

Точка веера.

Саня сидел на задней парте и старался совместить в голове два потока информации, спокойный голос учительницы, читающей что-то в учебнике и Ванькин шепот на ухо. Слова перемешивались друг с другом, образуя не очень понятный рисунок.

- В этот исторический период... если вот взять лупу и прикрепить ее сверху... было принято считать ... а потом, выйти на солнце, и выставить зеркало под нужным углом... что прогрессивная мысль заключается... можно концентрировать и направить луч...

В голове возник третий поток. Мальчик мысленно представил старую башню, всего-то двадцать минут на автобусе. Они проезжали мимо, каждый раз, как выбирались в деревню и никогда не останавливались, что бы подойти к ней. Высокая, из серого камня, с торчащими в разные стороны балками и дырявой крышей. Отец говорил, что это местный помещик, взялся строить храм, но революция не дала ему закончить, и он уехал, оставив все имущество. За прошедшие годы разрушилась сама усадьба, от нее осталась только лента фундамента в траве. Фруктовые сады потонули в наступающем лесу, а недостроенное здание так и возвышалось на холме, среди полей. И притягивало к себе его взгляд и его мысли. Если забраться по старой липе, выросшей рядом с башней, до балок, а потом по ним, как по лестнице, то можно оказаться на самом верху. Прежде чем автобус заворачивал в лес, Саня казалось, что сквозь дырку в разрушенной стене, видно площадку под недостроенной крышей.

Ванька зашуршал бумагой, толкая его в бок и показывая нарисованную схему.

- Что?! - это прозвучало слишком громко.

Учительница замолчала, закрыла учебник и подошла к ним.

- Здесь происходит что-то более интересное, чем наш урок, посвященный ... чему? Александр?

Саня посмотрел на доску, на повернувшиеся к ним лица одноклассников.

- Ну... эээ, - протянул он, - Средневековье...

- Иван? - она взяла листок со схемой и поднесла его ближе к глазам. - Что это? Чертеж?

Ванька вздохнул.

- Это пистолет такой, который стреляет солнечным лучом.

Дети в классе захихикали.

- Стреляет? Лучом? - учительница повертела бумагу в разные стороны. - И как, работает?

- Почти, - мальчик потянулся за своим чертежом. - Есть сложности в конструкции.

- А тема нашего урока?

- Крестовые походы.

Она повернулась и пошла обратно к доске. Положила бумагу себе на стол.

- Совершенно верно! Рисунок свой после урока заберешь.

Учительница продолжила писать на доске ряды дат и имен. А Саня подумал о плане. Днем, с автостанции, выезжает последний автобус, на него можно успеть, если пропустить хоккей. А потом он же, дойдя до крайней точки маршрута, где-то в далеких областных деревнях,

разворачивается обратно и возвращается в город. На исследование старой башни будет часа четыре, если Ванька прикроет его перед тренером, родители ничего не заметят.

"Как же не заметят?" - засомневался внутренний голос.- "А огромная сумка с клюшкой, коньками? Сразу обратят внимание, что она дома".

"Перепрятать. До возвращения" - предложил мальчик.

"И куда же прятать?" - ехидно спросил голос.

"А в дворницкую к тете Маше занесу. Она не спросит зачем. А на обратном пути заберу" - соображал Санька.

"Может сработать! Если не произойдет накладок" – воображаемый собеседник начал сдаваться.

"А какие накладки? Ванька скажет тренеру что я, например, в школе на дополнительных занятиях. Сумку спрячем, автостанция в соседнем квартале, успею" - дожал его мальчик. Голос умолк. Санька еще повертел детали плана в голове. Должно получиться, надо, наконец, посмотреть, что это за башня, пока осень не стала холодной и мокрой настолько, что прыгать по балкам будет сложно. Осталось только дожидаться конца уроков.

- Я с тобой! - выслушав его мысли, сказал Ванька.

- Нет, если мы вдвоем тренировку пропустим, тренер родителям позвонит.

Ванька хмурился.

- А как ты один? Если что случится?

- Ничего не случится.

- Ааа, - друг искал еще аргументы, что бы отговорить его. – Может, лучше, пойдем после тренировки ко мне, пистолет испытывать? Я вот думаю две лупы от старого объектива, если изолентой примотать сверху...

- В другой раз! - оборвал его Санька. - Я позвоню тебе, когда вернусь. Автобус возвращается в семь вечера. Полчаса с запасом дойти до дома. Жди полвосьмого от меня вестей.

Ванька вздохнул.

- Кстати, я вот думал, наши дома напротив стоят, верхние этажи, можно у тебя рядом с окном и у меня повесить такие катушки от удочки и леску натянуть.

- Зачем это?

- Ну, закрепить там коробочку и передавать друг другу послания. Крутишь катушку, леска двигается, коробочка ползет от одного дома к другому. Здорово!

Санька засмеялся, хлопнул друга по плечу.

- Ваня, человечество давно изобрело телефон! Какие коробочки!

После уроков он забежал домой, быстро впихнул в себя бутерброд, на ходу запивая чаем. Снял школьную форму, надел старые штаны, свитер и куртку. Схватил сумку со спортивным снаряжением и, выйдя во двор, прошел до больших ив, под которыми стоял дом дворника. В сарае были сложены лопаты и метлы. Зимой тетя Маша выдавала им инструмент убирать сугробы или строить снежные горы. А в небольшой пристройке, с печным еще отоплением, жила она сама, с маленькой дочкой, Машуткой.

Саня стукнулся в дверь и шагнул в сени.

- Теть Маш, можно я у тебя сумку тут оставлю?

В сенях стоял большой шкаф и вешалка. Куртки, тулупы, шапки, детская курточка в веселую полоску, а внизу ряды резиновых сапог, валенок и на полке разноцветные пары туфель - взрослые и детские. Он засунул сумку между шкафом и полкой и еще раз позвал.

- Теть Маш?

Дверь приоткрылась и в сени выглянула девочка.

- Саша! - обрадовалась она. – Иди, порисуй со мной! Мамы нет, а одной мне скучно.

- Не могу Машутка, у меня дела.

Девочка скорчила рожицу.

- А какие дела? Давай, книжку читаем? Со сказками?

Саня сделал таинственное лицо.

- Приключение! Большое и опасное!

Глаза у девочки расширились.

- Я тоже хочу! Приключение! Я с тобой!

Он покачал головой.

- Нет! Ты маленькая еще, ну и девочка. Это только для больших мальчиков.

Она насупилась и, казалось, что сейчас заплачет.

- Хочу приключение!

Саня отступил на крыльцо.

- Я тебе все потом расскажу! - выкрикнул он в щель и закрыл дверь. "Ну вот! Теперь можно идти на автобус" - внутренний голос тоже предвкушал поездку.

На автостанцию он пришел заранее. Проверил расписание и купил мороженое в киоске. Вокруг стали собираться люди - деревенские, работавшие в городе, возвращались на автобусе домой и бабушки с ведерками, продававшие на рынке грибы, ягоды и урожай со своих огородов. Образовалась толкучка. Автобус подошел, Санька проскользнул вперед всех, нырнул внутрь и занял местечко на задней площадке у окошка. Так дорога будет виднее. Народ еще минут десять загружался и рассаживался, и мальчику показалось, что все не поместятся, но нет, они влезли внутрь, двери закрылись и автобус поехал вперед, по знакомому маршруту. Три поворота по улицам на окраине города, потом через лес и первая остановка, колхоз. Часть людей вышла, автобус, затарахтев, стал подниматься в гору. На вершине холма следующая остановка, с тропинками и дорожками, сбегающими в разные стороны сквозь поля. На ней вышел дед с велосипедом. "Как же он затащил его внутрь?" - удивился мальчик. Он проводил взглядом фигурку, скатившуюся по тропинке вниз, в сторону озера и деревни за ней. Автобус поехал вниз, мимо лесополосы, фруктовых садов и Санька увидел башню. Он протиснулся к выходу, сердце учащенно забилось. "Наконец-то!" - он чувствовал что там, внутри его ждет что-то, пытался дотянуться до этого мыслями и не мог понять. Что-то интересное? Или что-то чудесное? Может быть, что-то новое или страшное? Он перебирал слова в голове. Скорее всего, это что-то очень ему нужное. Ближе всего, да. Это нужное сидит там внутри и манит его, делает башню особенным местом, к которому ему во что бы то ни было надо добраться. Двери раскрылись, он спрыгнул на полосу асфальта у обочины. Навеса нет, только лавочка и бетонная урна. Из автобуса вышли люди, кто-то стал сразу спускаться по тропинкам, кто-то пошел по дороге вперед. Санька подождал пока автобус отъедет, что бы перейти на другую сторону. Почему-то, первые шаги к приключению делать было страшновато. Прикосновение к руке, он обернулся. Сзади, стояла Машутка, в своей полосатой куртке, шапке с помпоном на голове и красных резиновых сапогах.

-Откуда ты тут взялась!?! - закричал он.

Девочка зажмурилась.

- Я за тобой пошла, ну как помнишь, мы в шпионов играли, - она взяла его за руку.

- Ооооо! - провыл Санька. - Зачем же ты со мной увязалась? Тебя же мама будет искать, а обратный автобус через несколько часов!

- Мамы сегодня до ночи дома не будет, уехала она. А мне одной скучно. А тут вот ты пришел.

Мальчик усадил ее на скамейку и сел рядом.

- Что же с тобой делать!?! - он посмотрел на дорогу. Вдалеке, желтой точкой на следующий холм забирался ушедший автобус.

- Давай играть в приключение?

Санька посмотрел еще раз на девочку, потом на виднеющуюся, на холме, башню. "Надо дождаться автобуса и ехать домой" - сообщил внутренний голос.

- Ну не сидеть же тут четыре часа? - возразил ему мальчик. Вскочил, потянул Машутку за руку. - Пойдем! Я кое-куда полезу, посмотреть, а ты меня подождешь внизу, хорошо? Нить не будешь?

Она кивнула.

- Не буду.

Дети перешли дорогу и двинулись к башне, по краю поля, вдоль старых яблонь. Санька подпрыгнул, сорвал несколько красных и желтых яблок, вытер пару штук о рукав. Одно стал грызть сам, другим поделился с девчонкой.

Башня оказалась дальше, чем он предполагал, и она была огромная. Высоченные каменные стены, толстые балки. Это не было похоже ни на один храм, который Санька видел до сих пор. Что именно строил тут помещик? Скорее всего, маяк, круглое в сечении основание из больших валунов и вызывающая вверх гигантская труба. Кому и зачем мог понадобиться маяк в тысяче километров от ближайшего моря? Входа не было видно, возможно он ушел под землю, или завален камнями. Основание башни было плотно засыпано выпавшими сверху булыжниками и осколками кирпичей и заросло колючим кустарником и диким виноградом. Мальчик прошел дальше, до дерева, которое он видел обычно из автобуса. Здесь он действительно не ошибся. Оно росло почти вплотную к стене, и упиралось в него ветвями, достаточно толстыми, что бы по ним перебраться на балки. Балки же торчали друг над другом, серпантинном огибая башню, видимо, должны были стать основанием так и не построенной лестницы.

- Слушай, Машутка. Садись тут и жди меня, - он расчистил ей местечко в траве, сложил туда яблоки. - Я только заберусь наверх, посмотрю, что там и вернусь. Хорошо?

- Хорошо, - она послушно села и стала грызть красное яблоко.

- Вот и молодчина!

Санька примерился к липе, наступил на камень, лежавший на земле, дотянулся до ветки, крепко схватился руками, потом ногами, повис на ней, забрался верхом. Увидел восторженный взгляд девчонки. Дальше все совсем просто, вверх по стволу, ветки сами росли как лестница, и вот одна, прямо рядом с балкой. Он попробовал балку ногой. Крепкая, не гнилая, не шевельнулась даже. Встал на нее, похожа на широкую ступеньку, прошел к

стене, и, держась за камни, шагнул на следующую. В кладке стены, между камнями, были выемки, как будто специально, что бы удобно держаться.

"Надо же! Как просто!" - удивился внутренний голос. "Я же говорил!" - довольно заметил мальчик. Шаг, еще шаг, выше и выше. Он оглянулся и увидел что дерево уже далеко под ним, посмотрел сквозь крону вниз, у основания маленькая фигурка Машутки. Она задрала голову и машет рукой. Он махнул в ответ и стал подниматься дальше. Балки огибали башню, мальчик повернул вместе с ними и замер пораженный открывшимся видом. До самого горизонта, вдаль, уходили холмы, покрытые полями и садами. Отсюда они казались похожими на бегущие волны, догоняющие друг друга. А темные деревенские домики, как кораблики, скользили по их склонам. "Маяк. Все-таки он строил маяк" - подумал Санька. Он уже почти дошел до верха, сделал еще несколько шагов и нырнул в осыпавшийся проем то ли двери, то ли окна. Там действительно была деревянная площадка. Мальчик осторожно наступил, надавил ногой сильнее, вроде крепко. Огляделся вокруг. Сквозь отверстия в недостроенной крыше свет падал широкими лучами, ложась узором из пятен на доски. Кроме того проема, через который он зашел, на противоположной стене было окно. Он подошел, дотронулся до камней, и посмотрел вдаль. С этой стороны было видно, как уходит в разные стороны дорога, и даже, вдалеке, город.

"Ну, вот ты и здесь, и что?" - спросил голос, мальчик пожал плечами. Он смотрел на небо, на лес, на крохотные дома, в которых жили разные люди, и казалось, слышит кого-то, говорящего что-то важное ему на ухо, так тихо – не разобрать.

- Как здесь интересно!

Санька вздрогнул и обернулся. В проеме стены стояла Машутка и оглядывала башню. Он подбежал и схватил ее за руку.

- Зачем ты за мной полезла?!

Девочка насупилась.

- Настоящее приключение здесь, а не сидеть под деревом внизу. Дай посмотреть!

Она вырвалась, побежала вперед. Санька пошел за ней.

- Смотри как тут здорово! Это как в классики играть! - Машутка прыгала из одного пятна света в другое. Она, зажмурившись, взлетала вверх, на мгновение попадая в полосу тьмы, оказывалась в следующей светящейся кляксе. Мальчику вдруг показалось, что пространство заполнилось множеством маленьких девочек в разных позах: бегущих, взмахивающих руками, сидящих на корточках, подпрыгнувших. Он закрыл глаза и потряс головой.

- Саша, смотри, тут лестница вниз!

Машутка уже была в дальнем темном углу, и как ему сначала показалось, ушла в доски по пояс.

Санька подошел, заглянул, действительно в темноту нижнего этажа или этажей угодила деревянная лестница. Несколько первых ступеней было видно, а дальше не разглядеть.

"Надо было взять фонарик" - сказал голос в голове.

"Что же ты раньше-то молчал?" - огрызнулся на него мальчик.

- Машутка, вылезай оттуда, неизвестно цела ли лестница.

Девочка замялась.

- Пойдем вниз, посмотрим что там? А?

Ему и самому очень хотелось спуститься, вот это и было настоящее приключение. Но там было так темно, он вздохнул.

- Нет, в следующий раз. Возьмем фонарик и приедем сюда снова.

Девочка стояла, думала.

- Нет, Саша, в следующий раз, ты меня с собой не возьмешь, - она сделала шаг вперед, ушла в пол по грудь, потом еще один - видна была одна голова.

- Стой! - крикнул мальчик, протянул руку, что бы схватить ее. Но она сделала еще шаг вперед. Наклонившись над проемом, он видел, что как будто на долю секунды девочка висела в воздухе, а потом исчезла, рухнув вниз.

- Маша!!! - он завопил, упав на пол грудью, свесившись вниз, и размахивая в воздухе руками, будто пытаюсь ухватить пустоту. - Мааашааа!

Прислушался, ни звука, ни крика, ни даже эха - глухая тишина внизу.

- Господи! Она разбилась!!! - воображение тут же сложило картинку - маленькая фигурка, в поломанной позе, среди камней. Санька схватился за голову, зачем-то стал раскачиваться из стороны в сторону. Сердце бешено колотилось в груди.

- Машаааа! - провыл он в темноту, опять прислушался. Тишина.

- Машутка... - он вылез из башни наружу, на балки, прислонился спиной к стене, посмотрел на бесконечные холмы.

"Что делать?!" - это крутилось в его голове, стучалось изнутри в череп глухими ударами.

"Бежать! Уйти отсюда! Уехать домой! Никто не узнает!"

Санька увидел как будто фильм, как он сейчас разворачивается, спускается по балкам и дереву на землю, потом в автобусе, домой, вечером за столом с родителями, рассказывает, как прошел день. И вдруг, отчетливо лицо тети Маши, которая бежит по двору и ищет дочку. Огромные полные слез глаза и широко открытый в крике рот. Он увидел свое отражение в зеркале, бритва скребет по щетине. Уже взрослый, его глаза встречаются сами с собой в

зеркале, и он отводит взгляд, смотрит в раковину, на бегущую воду и пузырьки мыльной пены. И как он идет по улице, в старом пальто, на котором не хватает пуговиц, почему-то загребая одной ногой, седые волосы клоками торчат в разные стороны, и вдруг, дверь подъезда распахивается и оттуда выбегает девочка в полосатой курточке. Он чувствует удар внутри грудной клетки, будто молотком по ребрам, падает на скамейку, заваливается в сторону и последнее что видит в этой жизни это веснушчатый нос, светлый глаза и крик: "Дедушка, дедушка! Что с Вами?!".

Мальчик помотал головой. Залез обратно в башню и подошел к лестнице.

- Маша!

"Нет, так не пойдет! Что делать?! Бежать! За помощью! Найти взрослых!" В голове мгновенно возникло следующее кино - милицейские машины, скорая помощь. На носилках мимо него проносят закрытое простыней маленькое тело. Родители молчат, смотрят на него, отец сжимает рукой его плечо. Лицо тети Маши, огромные глаза полные слез и широко открытый в крике рот.

"Так! Хватит! Дальше я уже видел! Что же делать?!" Санька наступил на ступеньку и пошел вниз. Вторая, третья, пощупал ногой впереди, четвертая, пятая, а вот вместо шестой ступени - пустота. Её просто не было.

- Маша! - позвал он снова, присев над отсутствующей ступенькой. Затаил дыхание, замер внимательно слушая. Тишина, глухая, неподвижная и вдруг, щелчок где-то внизу. "Что это? Послышалось? Или она?" Представил, как спускается ниже, в темноту, прислушался к себе. "Какое тут кино покажут? Про двух пропавших без вести детей? Где же лица родителей?! Где горе тети Маши?" Ничего.

- Ну что же, понятно, - сказал он почему-то вслух. Присел, держась за стену, и дотянувшись через отсутствующую шестую, нащупал седьмую ступеньку. Встал на нее, практически погрузившись в темноту. Восьмая, девятая, хоп, десятой снова нет. Зато одиннадцатая и двенадцатая на месте. Санька спускался ниже, на ощупь, остатки света серым пятном маячили над головой, но потом лестница повернула, как будто отодвинулась от стены, стала шире, вокруг него сомкнулась крошечная тьма. Тринадцатая, четырнадцатая, пятнадцатая, шестнадцатой и сразу за ней семнадцатой нет. Он лег на живот, дотянулся пальцами, а потом ногой, восемнадцатая есть. Прыгнул на нее, покачался, восстановил равновесие.

- Машаааа! - прислушался, попытался приглядеться. Ничего.

Девятнадцатая, двадцатая. Он потрогал её. Двадцатая ступенька была уже не деревянная, а как будто покрытая сверху волосатой тканью.

"Ковер!" - догадался мальчик. Провел по поверхности рукой и обнаружил, что сбоку от лестницы появились какие-то опоры, деревянные выступы, за которые можно ухватиться и держаться. Двадцать первая, двадцать вторая, еще один выступ. Двадцать третья, двадцать четвертая, еще один. "По одному на каждые две ступеньки" - заметил голос. Дальше дыра,

никаких ступеней вообще, куда дотягивалась бы нога. Санька забрался на опору, перелез на следующую, еще на одну, попробовал, ступени опять на месте. Двадцать девятая, тридцатая. Впереди вдруг зажегся огонек, ступени закончились, дальше шла просто ровная поверхность. Мальчик делал аккуратные шаги, огонек становился ближе и больше, освещал пространство вокруг, и Санька вдруг понял, что находится в огромном зале. "Как странно! Откуда он тут взялся? Явно намного больше башни". Он стоял на ковровой дорожке в центре, огонек это луч прожектора, который освещает сцену вдали, а опоры, по которым он лез, это ряды кресел, разбегающиеся в разные стороны. Света уже стало достаточно, что бы видеть детали, никаких больше дыр и провалов. Он пошел быстрее, потом побежал. Остановился у первого ряда, не зная, куда ему двигаться дальше.

- Маша... - почему-то шепотом позвал он.

На пустую сцену, перед закрытым занавесом падал луч света. С левой и правой стороны, в углах зала, мальчик увидел двери со светящимися зелеными буквами табличками. Но вместо ВХОД и ВЫХОД, как обычно в кинотеатре, на них было написано ВДОХ и ВЫДОХ. Санька обернулся и заметил, что в первом ряду, все кресла стоят с поднятыми сидениями, и только у одного, в самой середке, сиденье опущено, и оно как будто приглашает его присесть.

- Хорошо! - согласился мальчик. Он сел, положил руки на подлокотники и посмотрел на сцену. - Я готов!

Со всех сторон заиграла тихая музыка. Луч света ожил, завибрировал, задвигался и вдруг погас, Санькины пальцы сжали деревянные ручки. На мгновение стало опять темно, остались только горящие зеленые буквы и мелодия. Что-то щелкнуло, свет снова зажегся, луч стал в несколько раз ярче, высветил обширный кусок сцены, и в нем появилась фигура. Кто-то очень высокий, худой, в длинном темном запахнутом плаще и с блестящей черной маской на лице. На маске, вокруг глаз и выше, сияли два ярких оранжевых пятна. Этот некто стоял неподвижно, опираясь на что-то вроде тонкой лакированной палки. И он смотрел на мальчика. Санька поерзал в кресле. Ему показалось, что взгляд из-под маски словно дотрагивается до него и снаружи и внутри одновременно.

- Вы кто? - громко спросил он.

Фигура не ответила, но подняла перед собой палку, которая вдруг раздвоилась и стала разъезжаться в разные стороны, как циркуль. Санька заметил, как между двух расходящихся тонких черных линий, возник в воздухе рисунок. Вибрирующая живая картина, словно выпущенная на свободу из полупрозрачного тумана. "Веер! Это большой веер!" - догадался мальчик. Складки ткани распрямились, и он увидел весь узор целиком. Со стороны левой планки веера рисунок начинался лесом, а у правой заканчивался горами, со снежными шапками и голубыми облаками. Между ними крохотные человеческие фигурки, подвижные как в мультфильме, они передвигались по полотну, разговаривали друг с другом, взмахивали руками. "Как живые" - подумал Санька. Маска посмотрела на него сквозь рисунок, плавно двигая веером то в одну сторону, то в другую. Потом перевернула, опустила веер вниз и вдруг ответила.

- Испытатель.

Мальчик вздрогнул.

- Что такое Испытатель?

- Ответ на твой вопрос, - фигура чуть наклонилась вперед. - У тебя есть еще вопросы?

Санька кивнул, задумался.

- Где я?

- Это Полигон.

- Что такое Полигон?

- Ответ на твой вопрос.

- Ага, понятнее не становится, - он махнул рукой на зал и на сцену. - А что это такое?

- Точка веера.

- Угу. Я так понимаю, что это тоже ответ на мой вопрос.

Фигура едва заметно кивнула. Санька потер рукой лоб.

- Что мне надо делать?

- Иди сюда, - манит его Маска.

Мальчик встал, поднялся по ступенькам на сцену. Тридцать первая, тридцать вторая, тридцать третья. Фигура сложила веер, отбросила блестящую трость в темноту, раскинула руки, плащ распахнулся, и Санька увидел, что внутри никого нет. И плащ и маска были одеты словно на сгусток воздуха.

"Человек-невидимка? Такого не бывает! Это все не настоящее. Мне чудится!"

- Иди ко мне, - позвал его голос.

- А девочка там? - задал Санька самый важный вопрос. - Я найду ее?

- Там, - певуче согласился Маска. - Она там, конечно ты найдешь ее!

Мальчик оказался внутри плаща, как в палатке, полы запахнулись, и вокруг снова стало темно. Он сделал шаг вперед, еще один - тридцать четвертая, тридцать пятая.

- Мессир, мессир Александэр. Просыпайтесь! - он почувствовал, как кто-то трясет его за плечо. - Пора! Уже рассвет и нам надо двигаться дальше.

Он откинул плащ и уставился на взмывающие вверх черные стволы деревьев. Корявые, извилистые сучья переплетались над головой, замыкались, создавая впечатление, что они заключены в клетку, выстланную огромными зелеными одеялами изо мха.

- Жак, - он глядел на лицо оруженосца, знакомое с детства. Широкие скулы и нос с горбинкой, большой рот и темные глаза. - Уже утро? Так быстро?

Ему казалось, что он только прилег под деревом, только опустил голову на мягкую лесную подстилку, закрыл глаза, и сразу подъем. Александэр сел, запустил пальцы в волосы, пригладил их.

- Они, наверное, уже ждут нас. У истока, вверх по течению.

Рыцарь встал, отряхнул с плаща сухую листву и подошел к речке, бежавшей среди камней. Он наклонился, зачерпнул пригоршню ледяной воды и провел ладонью по лицу. Потом еще раз и окончательно проснулся. Жак сложил тонкие ветви и сучья и чиркал над ними кремнем, пытаясь развести огонь.

- Не надо! Дым могут заметить! Просто воды и хлеба.

Оруженосец оглянулся вокруг, вздохнул, завернул камни в тряпицу и убрал в мешок. Порылся в нем, достал сверток с остатками еды и флягу. Потряс ее, прислушался к звуку и подошел к реке.

- Сир, мы ходим по этим лесам уже вторую неделю и так и не встретили никого, кто может заметить дым или нас.

Александэр пожал плечами. Присел на камень.

- Это не значит, что их тут нет.

- Мы же крестоносцы! Сразимся с ними! Победим! - Жак опустил флягу под воду, вверх побежали пузырьки воздуха.

- Сразимся? - он покачал головой, - Нет, Жак, славные времена крестовых походов миновали. Теперь в них не найдешь ни истины, ни героизма, только смерть в какой-то далекой и чужой стороне.

- Так какой же в этом смысл, сир? Где мы? Что тут за люди живут? Где? Мы ушли в разведку на неделю и не встретили ни одного человека, не увидели ни одного дома. Может они прячутся под землей, или, наоборот, на деревьях?

Рыцарь и оруженосец одновременно задрали головы и посмотрели на далекие зеленые кроны, потом друг на друга. Жак протянул ему флягу.

- Может. Мы не видим их, но при этом они очень эффективно уничтожили почти всех. Так и не показавшись нам на глаза. Некому даже поведать слово Христово, которое мы им принесли, - Александэр глотнул холодной воды и закашлялся.

- Так зачем мы здесь тогда? Сидели бы дома.

- Дома? Ты имеешь виду в замке? С мачехой и ее пятью детьми? И с братом и его десятком наследников? Наше семейство так плодовито, что скоро они будут спать под столом в обеденном зале друг на друге. Попытаться найти смысл там, так же безнадежно, как и здесь.

- Там нас, по крайней мере, не убьют, - заворчал оруженосец и положил ему на колени завернутый в серое полотно хлеб. Александэр достал оставшийся кусок, разломил надвое, протянул половину Жаку, а от своей откусил и стал тщательно жевать.

- Хлеб уже почти высох.

Оруженосец вздохнул.

- Сегодня, мы доберемся до отряда, сир, у них наверняка есть и дичь и огонь, - Жак повертел в руках черствый кусочек. – А мы могли бы поселиться в той старой водяной мельнице, недалеко от замка. Помните её, сир?

Александэр кивнул.

- Красиво там.

- У меня вот такая мысль была. На верху мельницы комнату можно сделать, внизу зал. А еще если соорудить желоба, то воду пускать в разные стороны.

- А зачем?

Жак потер рукавом лицо, смахивая неожиданно возникшего перед глазами паука, раскачивающегося на тонкой нити.

- Ну, огород там поливать, капусту бы посадили, цветы, - выражение его лица стало мечтательное. - И вверх можно воду запустить я думаю, фонтан бы сделали.

- Жак, аристократы не живут на мельницах и не выращивают капусту.

- Да, они неделями ночуют прямо в лесу, догрызая последний кусочек хлеба! - огрызнулся оруженосец.

Александэр засмеялся.

- Так и есть! Пойдем, может быть, всего через пару часов, нас ждут более комфортные условия, вместо ветвей шатер, вместо мха, соломенный матрас и, конечно, горячая еда, - он вскочил на ноги и посмотрел на речку. - Такие гладкие тут камни, думаю, что по ним, мы быстро поднимемся к истоку, он зашагал по серым макушкам, торчащим во мху.

-Мессир, подождите! - Жак быстро запихнул в мешок флягу, завязал его, повесил на плечо и побежал за ним. Прыгнул с одного камня на другой, потом на следующий, камень чуть пошатнулся. Оруженосец взмахнул руками, попытался удержать равновесие, почти выпрямился, но булыжники вдруг сдвинулись с места, съехали по склону и упали в реку. Жак мгновение балансировал на них, а потом, опрокинувшись, полетел в воду. - Сир!

Александр обернулся, успел увидеть финальный момент падения, подбежал.

- Жак! Ты как?

Оруженосец сидел посередине речки, омываемый со всех сторон пенящейся водой. Вид у него был растерянный.

- Тут не глубоко, но очень мокро.

- Вставай! - рыцарь подал ему руку, - Выбирайся отсюда.

Жак дотянулся, схватил его ладонь.

- И холодно как. И скользко.

Он приподнялся, встал на колени, потом попытался поставить ногу на гладкие камни на дне, взгляделся в воду и вскрикнул.

- Мессир! Тут змея! Я упал на змею! Она меня может, укусила! Ядовитая! Смертельная!

Александр сел на берег, посмотрел на дно, сквозь потоки воды, потом засунул руку под воду, под колено оруженосца и нащупал маленькую голову, потянул и вытащил змею наружу.

- Жак, это уж. И ты чуть не раздавил его. Давай вылезай.

Оруженосец, выбравшись на берег, с сомнением смотрел на длинное черное тело змеи, похожее на толстую веревку.

- Не ядовитая?

- Нет, такие у нас, за домом, в пруду водятся.

- За каким домом, за замком? В каком пруду? Вроде река там только.

Александр потер пальцем висок, потом мотнул головой.

- Не ядовитый он, в общем, - рыцарь погладил пальцем пятна на голове животного. - Разве что необычный. Этот уж, смотри, будто с золотыми отметинами, а наши просто с желтыми. Жив ли?

Он положил змею в мох и провел рукой от головы до хвоста.

- Страшная, большая! - опасливо заметил Жак.

- Красивый, блестящий, сильный, - не согласился с ним рыцарь. Он еще раз погладил змею. Она вдруг ожила, свернулась кольцами, потом застыла, глядя прямо ему в глаза. - Живой! Все-таки ты не повредил его.

- Ну что, ползи домой. В отличие от нас, тебе совсем недалеко.

Будто поняв его слова, змея соскользнула с камня в воду, поплыла вперед, держа голову над водой, и скрылась в камнях и траве на противоположном берегу.

- Я весь мокрый! - пожаловался Жак. - Может костер? Подсохнуть?

Александэр отрицательно покачал головой.

- Выжми всё, и пойдем, обсохнешь по дороге, - он посмотрел сквозь кроны деревьев на небо.

- Солнце скоро встанет и будет тепло.

Постепенно местность менялась и стала похожа на предгорье, заросшее лесом. Река превратилась в неширокий ручей, журчащий между камней, с обилием маленьких водопадов. Путники двигались быстро, прыгая по камням, и забираясь все выше и выше.

- Скоро мы будем карабкаться на четвереньках, сир, - заметил оруженосец.

- Ничего, смотри, вода такая прозрачная и холодная, исток уже близко.

Вскоре среди деревьев показались просветы, на вершине горы было плато. Ручей почти ушел в камни, и о том, что он есть там внутри, можно было догадаться только по обилию мха, выросшего на них. Александэр пошел еще быстрее, Жак едва поспевал за ним. Лес будто расступался, стали появляться зеленые поляны, с невысокой травой и розовыми цветами.

- Мессир, куда вы так бежите, я не успеваю.

- Вперед Жак, только вперед.

Пройдя под несколькими деревьями, росшими почти вплотную друг к другу, они оказались на очередной поляне. Почти в самой ее середине возвышалась огромная глыба, вокруг нее, в природной чаше, образованной плотно прижавшимися друг к другу плоскими камнями бурлила прозрачная вода. Это и был родник, источник реки, вдоль которой они двигались последние два дня. Оруженосец черпнул воду ладонью, поднес ее ко рту и сделал глоток. Дальше все происходило очень быстро. Александэр услышал легкий свист, а потом вдруг щелчок и Жак, словно получив удар, упал на бок и вперед, в траву, рука его так и осталась в воде. В спине стрела с ярким оперением. Рыцарь оглянулся, заметил вдруг в разных местах на поляне эти красные всполохи, которые он издали принял за цветы. Потянулся за мечом.

Снова свист, и сразу за ним еще один, толчок, и вот он уже лежит навзничь, разглядывая две стрелы, торчащие из груди и плеча. "Почему-то совсем не больно", - Александэр схватил стрелу рукой, потянул. В том месте, куда она вошла, он чувствовал онемение, которое медленно расползлось по груди и спускалось вниз по руке. "Яд" - сказал вдруг голос у него в голове, - "Стрелы были смазаны ядом". Он пошевелил пальцами, они дрогнули и замерли, не послушавшись. Онемение стало подниматься вверх, к горлу, внезапно захотелось пить. Перед глазами возникли красные точки, закружились, стали увеличиваться в размерах, превратились в пятна, полупрозрачные мутные кляксы, слились друг с другом, и ему показалось, что он смотрит через красное стекло. Рыцарь перекатился на бок, ближе к роднику, схватился второй, еще работающей рукой за камни, подтянулся ближе, коснулся губами воды, сделал глоток. Потом еще один и еще. Онемение отступило, словно вода прогнала его. Солнечные зайчики прыгали по бьющим струям источника. Александэр глянул на солнце, зажмурился, открыл глаза и удивленно заморгал. В расступающемся розовом мареве, словно пройдя сквозь него на передний план, рядом с его головой, на влажном камне стоял очень маленький человек. Он был похож на ожившую картину, намного ярче, чем все вокруг, и, казалось, даже светился. Ростом в две ладони, в темном обтягивающем костюме, сверкающем и искрящемся в солнечных лучах. Сначала рыцарю показалось, это капли воды, но потом он разглядел, что блестящая ткань усыпана драгоценными камнями. Красивое лицо с очень тонкими чертами и непропорционально большими, зелеными глазами, которые смотрели на него с грустью. Светлые вьющиеся волосы легко взлетали от дуновения ветерка и парили вокруг золотой короны, с двумя длинными, загнутыми вверх рогами.

"Галлюцинации!" - снова прокомментировал неизвестный голос, - "Это твои предсмертные видения". Александэр сжал пальцы, попробовал дотянуться до незнакомца, потрогать его, но эта рука тоже начала отказывать.

- Кто? - он задал вопрос и понял, что без звука, только пошевелил губами. Но человек услышал.

- Я хозяин этой воды, - его звонкий голос раздавался у рыцаря прямо внутри головы. - Я не успел за тобой. Хотел предупредить тебя, но не догнал вовремя.

Человечек всплеснул руками и нахмурился.

- Плохо, очень плохо. Если ты умрешь, я не смогу вернуть тебе долг.

Александэр, опять раскрыл рот, пытаясь спросить, что должен ему этот крохотный незнакомец. Ответ возник в голове сразу, одновременно с вопросом:

- Ты спас меня, человек, и теперь я должен спасти тебя, в ответ, но я не могу. Яд уже слишком глубоко проник в твое тело, - он подошел, склонился над лицом рыцаря, заглянул в глаза. - Но я знаю, кто может тебе помочь, правда не уверен, что это будет правильно. Скажи мне, человек, что бы ты отдал за жизнь?

Этот вопрос откинул рыцаря глубоко внутрь себя. Он никогда не думал о цене. Жизнь казалась само собой разумеющейся, данной изначально, как подарок, без стоимости и навсегда. "Ты что, собирался жить вечно?" - переспросил рассудительный голос. - "Думал, что ты бессмертный и это не закончится?" Александэр вдруг осознал, что так оно и было, незачем думать о смысле и цене того, что имел всегда, пока это не потерял. "Ты уже мертвец" - сказал голос то, с чем совсем не хотелось соглашаться. Рыцарь перестал чувствовать свое тело, перед глазами все снова заволочло красным туманом, он закрыл их. "Твоей жизни осталась капля, так чего же она стоит?" - в этой темноте остался только он и голос. Еще есть маленький человек, который слышит его без слов.

- Всё! - закричал он внутри себя. - Я отдам за нее всё что угодно!

- Тогда постарайся не умирать еще немного, я скоро вернусь.

Он лежал и слушал нарастающий гул в своих ушах. Звук приходил волнами, каждая из которых громко накатывала на него, а потом медленно и тихо отступала. Волна, следующая, потом с промежутком еще одна, пауза, в ней тишина. Снова волна. "Это бьется твое сердце" - заметил голос. Александэр замер, ожидая новую волну, она пришла, потом схлынула. "Возможно его последние удары" - паузы становились все длиннее.

"Небо!" - подумал рыцарь,- "Я хочу напоследок взглянуть на небо".

Он попытался открыть глаза, веки дрогнули, но не послушались, еще раз, опять неудача. Собрал по каплям и крошкам ту силу, что могла еще остаться в умирающем теле, и всю ее направил в одну точку. Получилось! Глаза приоткрылись. Свет! Туман отступил, он увидел голубой лоскут неба, зеленую листву и стал наблюдать за медленно текущим облаком, из овального оно стало округлым, потом сзади словно вытянулся хвост. "Кошка! Облако похоже на кошку" - заметил голос. Рыцарь вспомнил ощущение тепла и мохнатой шкурки под пальцами. Потрогать еще хоть раз, иметь возможность прикоснуться к кому-то живому, к самому проявлению жизни!

Небо заслонила тень, стала больше, и Александэр понял, что рядом с ним кто-то стоит, в длинном балахоне с капюшоном. Неизвестный наклонился, и рыцарь встретился взглядом с черными глазами, практически без белков, на бледном белом лице. Его рассматривали внимательно, изучающе, словно прощупывая изнутри.

- Он мне подходит, - сказал незнакомец кому-то.

"Ты смерть?" - подумал Александэр. - "Ты пришла забрать меня?"

Темные глаза быстро приблизились, оказались прямо напротив.

- Я Охота, и я нанимаю тебя.

Над его лицом появилась рука, и Александэр заметил, как повисла на ладони Охоты непрозрачная голубая капля, увеличилась, оторвалась и упала вниз, ему на лицо. Он не

почувствовал ее прикосновения, но видел как летит следующая и за ней еще одна. Казалось, капли падают специально медленно, он смотрел, как меняют они форму в полете, превращаются в маленькие голубые шарики, а потом, соприкасаясь с его кожей, растекаются и мгновенно впитываются внутрь. Рыцарь закрыл глаза, вгляделся в темноту и различил в ней, как прорастают капли, словно семена, в его теле, распускаются линиями, витиеватыми узорами и как будто надписями на незнакомом языке. Попытался разобрать, что именно там написано, но сделал шаг дальше, в фон, в черноту за ними. Потом еще один шаг, словно внутри него образовалась лестница. "Тридцать восемь, тридцать девять, сорок" - отсчитывал он шаги в темноте.

- Готово? - услышал Александэр откуда-то сбоку высокий голос маленького человечка и распахнул глаза.

Охота наклонилась и провела пальцем от его лба до подбородка.

- Да. Теперь он мой, а я его.

А потом она исчезла, в одно мгновение. Напротив снова было голубое небо. Рыцарь смотрел на него, и вдруг понял, что все пространство разделилось на слои, каждый из них вибрировал, будто играл непонятную мелодию, но прислушавшись к ней, можно было обнаружить всю насыщенность и все процессы, происходящие вокруг. Через эту музыку он слышал каждую травинку вокруг себя и мог мысленно увидеть любую из них, бесконечное количество насекомых, под землей, над ней, в воздухе, множество животных. За облаком, над головой, невидимая отсюда, но осязаемая, летела большая птица, и он слышал ее перебитое, но давно зажившее крыло.

- Трансформация началась, - сказал Хозяин воды. - Теперь ты другой. Охотник.

Александэр повернул голову и посмотрел на него.

"Нет, это не человек" - теперь он видел как текуче его лицо, как черты меняются от прекрасных к ужасным, светлые локоны превращаются в клубок змей извивающихся над головой. И понял, что главное это не форма, в которую каждое мгновение отливает себя это существо, а свет, идущий у него изнутри. Голубоватый, меняющийся на темно-синий, а потом снова светлеющий от ярких вкраплений. "Как солнечные зайчики на воде. Река, это дух этой реки. Само ее проявление" - голос снова заговорил с ним. Хозяин воды подошел ближе, схватился за древко стрелы, торчащей в плече, и потянул. Она вышла из тела неожиданно легко. Вторая стрела, в груди, выскользнула сама, стоило рыцарю только подумать о ней, услышать ее по-новому. Он повернулся на бок, а потом вдруг, без особого усилия сел. "Яд ушел. Смерть ушла" - сказал голос. Александэр потрогал грудь, плечо. "Даже царапин не осталось. Как такое может быть?"

- Ты теперь Охотник, - повторил Хозяин воды. - Охотника сложно убить, почти невозможно. И теперь ты опасен, и для меня тоже.

Он отступил к краю родника.

- Чем я опасен? - переспросил рыцарь.

- Быстрый, смертельный! - он вошел в воду. - И безжалостный. Охота всегда такая. Но тому, кем ты был, и кто меня спас, я оставил подарок. Он не нужен охотнику, но может пригодиться человеку. В какой-то момент.

Хозяин воды посмотрел куда-то очень далеко, за его плечо.

- Да, - согласился он сам с собой. - Поможет. Уже помогает.

Александр не стал оборачиваться назад, он точно знал и слышал всё, что там есть, и всё чего нет. Он подался вперед, пытаясь поймать духа, но заметил лишь черную ленту, мелькнувшую в воде.

- Я всего лишь хотел узнать, что это за подарок, - прошептал охотник, наклонившись к воде. Зачерпнул ее руками и стал пить. "Это покрывало нагов!" - услышал он ответ родника.

- Покрывало? - повторил Александр, и вдруг почувствовал биение, тихий, но быстрый стук в траве. Он вскочил, пошел на него и обнаружил Жака. Оруженосец отполз от родника в густую траву, и довольно успешно притворялся мертвым.

- Жак! Ты жив? - позвал его рыцарь. И сразу увидел, что тот даже не ранен, если только очень напуган.

- Мессир? - оруженосец повернулся к нему. - Сир, я видел, как стрела пронзила прямо ваше сердце!

- Не совсем сердце, - пояснил Александр, - А ты как уцелел?

Оруженосец замялся.

- Стрела вошла в мешок, я упал и лежал.

Рыцарь засмеялся.

- И потихоньку отползал? Правильно делал! - он обнял Жака за плечо и помог ему сесть. Потом вдруг замер. - Я слышу биение их сердец. Они вокруг тут, и да, они под землей. Жак, они живут прямо внутри этих холмов.

Он вскочил, прислушиваясь.

- Жак, полежи тут в траве еще немного. Я скоро вернусь.

- Куда вы, мессир? - оруженосец с удивлением разглядывал рыцаря, ему показалось, что лицо у того стало совсем светлое, белое, а глаза потемнели.

- Пообщаюсь с неуловимыми местными жителями. Принесу им учение Христа, расскажу о заповедях, - Александр обнажил меч. - Например, о том, что значит "Не убий".

- Сорок! - досчитал Санька и почувствовал, как уперся в темноте в стену. Остановился и разглядел полоску света внизу, и еще тонкие щели по периметру. "Дверь!" - он провел рукой по поверхности, нащупал ручку и распахнул ее. Оказавшись в ярком потоке, заморгал, зажмурился, потом приоткрыл глаза щелочкой и увидел небольшой класс. Ряды парт, напротив доска, по стенам развешаны портреты неизвестных личностей с серьезными лицами. У доски, с указкой в руках стояла фигура в маске.

- Прекрасно, вы прекрасно справились с первым уровнем Снисхождения, молодой человек!

Мальчик зашел внутрь и сел за первую парту. Посмотрел на Маску, доску, пустой класс.

- Не знаю что это за Снисхождение, но я девочку искал, Машу. Она упала. Не нашел. Вместо этого вы мне какое-то кино показали, дурацкое.

- Почему же дурацкое? - искренне удивился Маска.

Санька мотнул головой.

- Да рыцарь этот какой-то не настоящий, медленно соображает. Я уже не сдержался ему подсказывать начал. Забавно, что он меня слышал. А оруженосец? Он же неуклюжий и трус. Разве такие были крестоносцы?

- А какие же?

Мальчик задумался:

- Смелые, ловкие, отважные. Тогда были такие времена, для героев, для подвигов.

Маска присел на край учительского стула и сложил руки на груди.

- Времена, молодой человек, это антураж, декорации. Герои есть всегда и подвиги тоже. Люди же бывают разные, и это не меняется никогда. Хотя сам человек может измениться, хоть это и трудно. То, что для тебя сейчас Снисхождение, для него Восхождение. Вы идете в разные стороны, но по одной и той же лестнице. Помогите ему и он поможет тебе.

Санька потер рукой лоб.

- Как это?

- Это Точка Веера, и так вышло, что она у вас одна на двоих. То, что не может сделать он, можешь ты, и наоборот.

- Я не понимаю, - мальчик пытался собрать слова вместе, и увидеть картину целиком, но она не складывалась. - Много вопросов.

- Задавай их, на правильные вопросы, ты получишь нужные тебе ответы.

- Ммм. Почему он и я? Почему сейчас? Почему Снисхождение и Восхождение? И что это за точка? Что такое твой веер? - Санька подозрительно посмотрел на указку. Может быть, она тоже способна превратиться в гигантское опахало с живыми картинками.

Маска кивал его вопросам, потом встал, взял мел и поставил посередине доски жирную точку.

- Вот. Это она. А вот это ты, - он нарисовал маленькую фигурку в верхнем левом углу. - А это он.

Точно такая же фигурка появилась в нижнем правом углу. Маска провел линию, проходящую через точку, соединив символических человечков.

- Видишь? Ты к этой точке возвращаешься, а он только стремится.

Мальчик разглядывал рисунок, казалось, человечки катаются на длинных качелях.

- А почему линия у нас одна? - спросил он Маску. - Я про этого рыцаря не знаю ничего. Почему мы связаны?

Указка скользнула вдоль прямой.

- Можно сказать, что у этой линии нет начала и конца, но это ты, так же, как и он, и еще намного больше. Линия, это протяженности жизни, ее проявленность, ее намерения и их реализация, а вы оба, просто отрезки пути.

- На самом деле, - Маска перешел на театральный шепот, - Вы одно и тоже! У вас одно большое общее Я.

Санька смотрел то на одну фигурку, то на другую.

- Не уверен, что я понял, как это может быть. Но давайте дальше. Почему мы идем к этой точке?

Маска постучал по ней.

- Да, да, да. Почему же она? Знаете, молодой человек, линии жизни так устроены, похоже на дорогу, есть участки прямые и простые, а есть с множеством перекрестков и развилки. Так вот, бывают и такие места и события, которые могут изменить жизнь человека очень по-разному. В одной точке, много решений и много путей, и, соответственно, много вариантов развития событий, - он взял мел и нарисовал еще десяток линий проходящих через точку в разные стороны. - Видите, сколько возможностей, это похоже на веер. Человек оказывается в

таком месте, и все вероятности распаиваются перед ним. Обычно он этого не видит и не чувствует, но у вас немножко получается.

- Что?

- Заметить разные лучи, их событийность, как будто краем глаза, будто спонтанную фантазию о будущем.

Санька вспомнил отраженное в зеркале свое взрослое лицо, кивнул.

- Так вот оно что. Это все по-настоящему? Правда?

Маска покачал головой.

- Это лишь вероятности, пока не сделаешь выбор, - он водил указкой по разным линиям. - Итак, оказавшись в такой точке, человек и не подозревает, насколько потенциально разной может быть его жизнь. Пойдет он так или вот так, то окажется потом здесь или здесь.

Мальчик смотрел на доску и хмурился.

- А где лучше?

- Непростой вопрос. В нашем частном случае, представь, что есть около полусотни вариантов. То, что уже произошло, это, скажем, вариант номер 15, - Маска покачал указку из стороны в сторону, будто что-то взвешивал на невидимых весах, а она была стрелкой колеблющейся на шкале. - Сомнительный такой вариант, ну ты и сам видел - девочка погибла, жизнь не задалась. Нам бы сместится, например, на номер 35, или даже лучше 48!

- Там она жива? - Санька подошел к доске, и стал всматриваться в линии, пытаясь увидеть то, что как говорил Маска, за ними - события.

- Может быть жива, - поправил его Маска.

Мальчик внимательно посмотрел на него, на яркие оранжевые пятна, на блестящем черном фоне. Глаз было не видно.

- Я готов. Что надо дальше делать?

- Это будет второй уровень Снисхождения. Что делать, ты сам решай, жизнь-то твоя, - Маска подошел к окну и распахнул его. Санька встал рядом, заглянул в густую черноту.

- Хорошо, - он влез на подоконник, обернулся. - Действительно возможно, вернуться и изменить? То, что уже случилось? Так бывает?

- А это волшебство.

- Волшебство? Как это?

- Рыцарь помог Хозяину Вод, и тот подарил ему эту возможность. В этом был твой первый уровень.

- Мой?

- Конечно твой! Александэр совсем не разбирается в змеях.

Санька сделал шаг в темноту, второй. Светящееся окно за его спиной, с темной фигурой исчезло.

- Сорок один, сорок два.

Двое путников зашли в трактир, огляделись и выбрали себе место в самом дальнем углу, около небольшого окна.

- Сир, - спросил Жак, рассказав служанке, что им принести, - Куда же мы теперь?

Александэр глянул в окно, на белесое небо.

- Не знаю пока. Но пора тебе привыкнуть, что новая цель находится быстро.

Оруженосец поморщился.

- Что, снова будем ждать, пока не зазвонят колокольчики? Где? Здесь?

Александэр кивнул.

- Это место ничем не лучше и не хуже остальных. Везде, Жак, одно и то же - дома, люди, лес, дорога, небо. Не вижу разницы.

- Мы могли бы вернуться в родные места. Начать там жизнь заново. Я слышал, урожай был в прошлом году хороший, и до этого несколько лет тоже. Замок процветает. Вдруг брату нужна ваша помощь?

Александэр посмотрел на свою бледную, почти белую руку, длинные пальцы. "Раньше они были совсем другие, изменили форму, цвет, назначение?"

- Жак, ты можешь вернуться туда, и, наверное, так было бы лучше. Но я охотник. У меня нет родных мест, нет брата, и даже не осталось жизни. Только ожидание между охотами. Это плата, ты же знаешь.

Оруженосец посмотрел на его лицо, ставшее жестким и напряженным, на потемневшие глаза, направленные куда-то внутрь себя, вздохнул.

- Мессир, если бы только это. Вы изменились.

Александэр пожал плечами. Принесли еду, на некоторое время путники умолкли, обедая, а затем, допивая вино, и глядя за окно, на пустую дорогу он услышал знакомый гул в ушах, который всегда приходил первым, как сигнал о внимании. Надо расправить свои невидимые сети, расплести и раскинуть их вокруг, направить взгляд наружу. Он прислушался к шуму, к разговорам.

- Лельская дорога, лучше объезд, - услышал он обрывок разговора через пару столов от них. Гул стал сильнее. Александэр поднялся, прошел по зале и прислонился к балке, недалеко от собеседников. Это были торговцы, из тех, что путешествуют по стране, перевозя всякую всячину из одного города в другой. Один высокий и худой, с морщинистым лицом и светлыми глазами, другой наоборот маленький, плотный, но глаза тоже светлые, на таком же лице. "Похоже они родственники. Договорились о встрече на тракте".

- Объезд это неделя, вокруг леса, а на прямую, только так, через Лель, - размышлял один из торговцев. - Что там, разбойники появились?

- Хуже, лес стал плохой.

- В смысле плохой? Звери дикие нападают?

- Еще хуже, - торговец наклонился вперед, ближе к собеседнику, и негромко продолжил. - Вроде как мертвяки по лесу ходят. Я сам не видел, но слышал, вой такой пронзительный, деревья шатаются, падают. Страшно, еле проскочили.

- А как удалось?

- Местные провели, помогли. Один такой вышел и заиграл, вроде как на дудочке, и все стихло. Пришлось заплатить, конечно.

- Много? - переспросил длинный.

- Много, - ответил крепыш и вздохнул.

"Вот и они" - Александр услышал тонкий звон, где-то в глубине своей головы. Будто кто-то с колокольчиком в руке идет ему навстречу и звонит, сначала издалека, еле слышно, а потом ближе, еще ближе и теперь у самого уха. Охота. Он вернулся к Жаку, положил на стол монету.

- Пойдем, пора.

- Куда это? - удивился оруженосец.

- В Лель.

Жак внимательно посмотрел Александэру в лицо.

- Они, сир? Звонят?

- Звонят.

- Может, отдохнем, переночуем, а завтра с утра...

- Сейчас.

Жак мотнул головой.

- О нас не думаете, так хоть лошади путь отдохнут.

Александр потер рукой лоб, пытаясь отодвинуть звон, обратно, дальше, вглубь.

- Лошади. Да. Поедем вечером.

В Лель они въехали на рассвете. Дорога долго поднималась выше, места вокруг становились все каменистее, пока уже по сторонам не взмыли вверх серые скалы, и вот, они почти на вершине. Город, расположенный в ущелье между двух гор и спускающийся по склонам вниз. Дома под нависающими скалами, с внушительными валунами, вставленными в стены. Бывший горный перевал с несколькими домами для путников постепенно разросся и покрыл склоны сетью каменных улиц, лестницами и домами. А вниз, с другой стороны горы, повсюду, куда добирался взгляд, темный лес. Густой, дикий, с болотами и озерами он расступился когда-то, и сквозь него пролегла дорога, самая прямая и быстрая к равнинам, солнцу и морю.

Жак огляделся, по особым приметам среди дыма, поднимающегося холодным утром над трубами в городе, распознал гостиницу и повернул лошадь направо. Александр поехал за ним. Внутри него, не проходящий звон усилился, наполнил город, улицы, и казалось, звучал из каждого окна. Двухэтажная гостиница стояла на центральной площади, и Жак быстро переговорил с почтенным седовласым хозяином. Тот кивнул оруженосцу, с сомнением посмотрел на Александра - рыцарь или не рыцарь, и не разберешь, странный путник с очень белым лицом, в темном плаще, но при мече, на всякий случай поздоровался вежливо и уважительно.

- Сир, вы бы отдохнули, прилегти поспать, - посоветовал Жак в комнате. Охотник послушал его, вытянулся на просторной деревянной кровати, закрыл глаза. Звонят. "Попробуй уменьшить громкость" - посоветовал голос внутри, - "Пусть эти безумные колокольчики окажутся где-то далеко, представь, что они уходят, улетают, вверх, в облака". Александр мысленно проследил за ними взглядом, потом замер, наблюдая воображаемое небо, и потонул в нем.

Проснулся охотник ближе к полудню. Обнаружил, что Жак снял с него сапоги, пояс и плащ, а он даже не почувствовал. Он был в комнате один, босыми ногами прошлепал к окну и сел на широкий деревянный подоконник. Жизнь в центре Леля кипела, площадь была полна людей.

Пышные матроны со служанками и корзинами сновали от лавки к лавке, и прогуливались по небольшому рынку. Встречаясь, кивали друг другу, медленно разворачивались и расходились. Торговцы выглядывали из магазинов, что-то поправляли, приветствовали знакомых. Пересекая площадь в разных направлениях, по делам спешили мужчины, а у соседнего дома, стоящего чуть углом к гостинице в луже лежал человек, судя по всему, очень пьяный. Периодически он поднимал руку, пытаясь схватить кого-нибудь за одежду, что-то говорил. Но горожане не обращали на него внимания, просто обходя или отшатываясь. Больше часа Александр наблюдал за этим движением, то видя закономерности, то вдруг понимая его хаотичность, всё как везде, один из многих городов, и мало чем отличающийся от других.

"Вовсе нет!" - заметил голос, - "Странно, но тут совсем нет детей". Звон вернулся, нахлынул и пространство вокруг завибрировало. Дверь открылась, вошел Жак, поставил перед ним тарелку и кружку.

- Мессир, я тут раздобыл еды вам на обед.

Охотник откусил большой кусок мяса, хлеба, и, прожевав, заметил.

- Хорошо. Послушай Жак, перестань называть меня так. Людям не понятно кто мы - таинственный аристократ, путешествующий инкогнито с одним слугой? Я охотник, ты мой помощник и хватит с них.

Жак отвернулся, роясь в мешке.

- Как скажете, сир. Но для меня так и есть. Я ушел с вами в крестовый поход оруженосцем, и хочу вернуться домой так же.

- Жак, неужели ты не понял? Мы никогда не вернемся домой.

Слуга покачал головой, сжался.

- Вернемся. Просто это очень долгий путь назад.

Александр вздохнул.

- Упрямец!

- Какие наши планы, мессир? Что будем делать? О чем звенят ваши колокольчики?

- Пока просто звон, но очень громкий. Ты уже, наверное, выходил в город. Что люди говорят? О лесе, о мертвяках, о путниках?

- Ничего не говорят, но явно думают, молча, - Жак посмотрел сквозь окно на прохожих. - С виду все очень обычно, но что-то там такое, висит в воздухе. Между ними всеми.

- И детей нет... - добавил Александр.

Жак вскинул глаза.

- Да! Действительно, не видел ни одного.

Охотник доел все, что лежало на тарелке, запил разбавленным и подогретыми вином, слез с подоконника и потянулся за сапогами.

- Я думаю, надо наведаться сразу в лес. Зачем откладывать.

Оруженосец кивнул, протянул ему пояс и меч.

- Как раз пока вы спали, почистил, заточил.

Они прошли площадь насквозь, потом вниз по лестницам и тонким улицам и вышли на дорогу, спускающуюся к лесу.

"Они смотрят" - заметил голос.

- Смотрят, - вслух повторил Александэр.

- Кто? - удивился Жак.

- Горожане.

Ближе к городу дорога была вымощена аккуратно подобранными друг к другу камнями, но на границе леса становилась обычной, может быть чуть более каменистой, чем на равнинах. На грунте отпечатки колес, копыт, засохшие, со времени последнего дождя.

- Что мы ищем? - поинтересовался слуга.

- Не знаю, что-то странное или не обычное, - Александэр прислушался к звону. Когда они вошли в лес, к колокольчикам прибавились удары, будто кто-то раскачивал колокол в праздничный день. "Бамц!" - и тяжелый гул побежал из головы по всему телу, - "Бамц!" Вздрогнул. Голос в его голове считал удары, и это как-то помогало справиться с их, выносящей мысли, силой.

"...Сорок девять. Пятьдесят!" - внезапно бой прекратился, звон тоже затих, Александэр огляделся. Они стояли около небольшой скалы, утопающей в высоких деревьях, оплетенной их толстыми корнями, черными, мшистыми. Охотник заметил придавленный мох, корни затертые до блеска, выступы в скале, плоские как ступеньки. Он махнул рукой.

- Смотри Жак, тут что-то вроде тропы.

Он подошел ближе, поставил ногу на затертый корень, потом следующий шаг в расщелину, и стал карабкаться вверх. Оруженосец последовал за ним. На вершине, петляя между могучих стволов, начиналась тропа.

- Предлагаю здесь прогуляться, - предложил охотник. - Смотри, какое место натопанное, и явно тут только горожане ходят, чужой, вряд ли заметит этот подъем, проедет мимо.

Они пошли по тропинке, прямо, а потом вверх. Она огибала гору с левой стороны, через полчаса пути, уткнулась в небольшое и совершенно круглое лесное озеро, и дальше резко взмыла вверх, на черную скалу. Как и в начале, в камнях были протоптаны уступы. На вершине, в окружении старых елей зеленела поляна.

- Смотрите, мессир! - Жан показал на холмики, вдоль края леса. Над каждым из них возвышался аккуратный деревянный крест.

Александэр прошел вдоль могил.

- Значит, мертвяки тут все-таки имеются. Но такие, вполне себе спокойные, похороненные по христиански.

- Это в лесу-то? - засомневался Жак.

- Многим рыцарям христовым и такого не досталось, - охотник дотронулся до темного дерева. – Похоже, некоторым из них уже несколько лет, а вот эта, - он показал на светлый крест, - совсем недавняя.

- И что все это значит?

- Не знаю. Но сильно сомневаюсь что те, кто так аккуратно и тщательно похоронен на этой цветущей поляне, ходят на тракт пугать проезжих торговцев.

Жак кивнул.

- Что будем делать?

- Возвращаемся обратно. Надо попытаться разузнать, что тут происходит.

- Сомневаюсь, что горожане будут с нами откровенны, - заметил Жан.

"Тот пьянчуга на площади" - посоветовал голос, - "Надо спросить его".

- Может кто-то из них.

Александэр стал спускаться вниз по скале. Обратно было идти намного труднее, уступы были незаметны, прикрытые мхом и пучками травы.

- Жак, осторожнее! - воскликнул он, видя, как неуклюже оруженосец пытается нащупать ногой выемку. Тот оглянулся на него, и вдруг замер, пораженный, глядя на что-то в чаще.

- Что? - охотник окликнул его два раза, прежде чем слуга обернулся к нему. Глаза у его расширились, а щеки горели.

- Что такое? - переспросил Александэр.

- Мне кажется, я видел что-то. Там вот под этим деревом.

- Что именно?

Жак провел рукой по волосам, снова посмотрел в лес.

- Я лез вниз, смотрел на камни, и вдруг, взгляд скользнул по деревьям, и мне показалось, там что-то движется. Я присмотрелся и вроде как увидел пеня, такой старый, трухлявый пеня в ветках и сучьях и мху. Я стал спускаться дальше, и словно почувствовал его взгляд.

- На тебя смотрел пеня? - охотник улыбнулся.

Жак наморщил лоб.

- Я снова посмотрел туда, и увидел её.

- Её?

- Что это не пеня, а женщина, лицо такое темное, волосы лохматые, я их сначала за мох принял. А то, что мне сучьями и ветвями показалось, это руки и пальцы длинные.

Слуга растопырил ладонь, положил себе на лицо и сквозь промежутки между пальцами посмотрел на Александэра.

- И глаза такие огромные, темные, как вода в болоте.

Охотник смотрел в лес, куда указывал Жак. Но не заметил там ни странной женщины, ни даже пня, которого можно было бы за нее принять.

- И куда она делась? Или пеня этот?

Жак покачал головой.

- Пропала. Увидела, что смотрю я на нее, и так по грудь в земле стояла, сразу словно бы погрузилась еще глубже и пропала.

- Так там и грудь имелась? - Александэр, засмеялся, Жак бросил в ответ хмурый взгляд.

Внезапно звон вернулся, нагнал, и охотник сжал руками голову.

Они вернулись в город, и снова почувствовали на себе взгляды. У гостиницы спутники разделились, Александэр пошел в сторону невысокого собора, поговорить со священником, а Жаку велел покормить и напоить того мужчину, что с утра лежал в луже, а сейчас спал, прислонясь к стене одного из домов в ближайшем переулке. Охотник вернулся в комнату через час, так ничего не добившись. Он застал в соборе капеллана, что-то фиксировавшего в толстых книгах, но не узнал ничего интересного. Выходило, что жизнь в городе спокойная, однообразная, без происшествий, и не отличается от того, что происходит в других городах. На этом месте святой отец сделал особенный акцент, и, сославшись на дела, удалился.

Жак пришел чуть позже, с загадочной миной, и выглядел победителем.

- Вижу, тебе повезло больше, - заметил Александэр.

Слуга вздохнул, довольный, и выпалил.

- Есть чудище! Есть! В лесу!

- Ну ка! - охотник сел на кровать, и устался на оруженосца. - Рассказывай!

- Конечно, этот местный нищий разговаривает так, что я не понял и половины его слов. Но суть уловил. Чудище появилось лет сколько-то назад, десять или около того. Стали в лесу люди заблуждаться, пропадать, охотится невозможно. И торговцы начали объезжать эти места стороной. Дела у города пошли из рук вон плохо, ведь на этих камнях урожай не вырастишь, все жили за счет торгового тракта и того, что леса богатые на всякого зверя и птицу. Попытались отловить это чудовище, но ничего не получилось. Говорят, оно в земле передвигается как рыба в воде, может нырнуть, пройти под низом и оказаться совсем в другом месте.

- Подожди, город выглядит вполне процветающим.

- Да-да, - закивал Жак. – Неизвестно кому в голову пришло, и как они это провернули, но они с чудищем договорились. Что, мол, своих не трогает, а чужих пугает. Но только тех, кто не заплатил. Он вроде сказал, оно музыки боится, звуков тонких и пронзительных, вот горожане этим и пользуются.

"Странно что-то" - проявился голос, - "Чудищу-то в этом какой толк?".

- А за это? - спросил Александэр. - Как они с ним расплачиваются?

- Я не совсем понял, но, похоже, они периодически отдают ей кого-то из местных. Никто из них не вернулся, поэтому, что она с ними делает неизвестно, - Жак помолчал. - А детей действительно нет. Нищий сказал, это проклятие на город легло, те дети что были - выросли, а новых не появляется, с тех самых пор. Зато появилось много денег. Видите, - он махнул рукой в сторону окна, - Какие все нарядные, товаров много.

- Да, - согласился охотник, - Изобилие. Значит, торговцы платят что-то вроде дани за проезд по лесу. И добираются без происшествий. Что же удобно. Всем.

Жак кивнул.

- Смотрите, что я нашел в одной из лавок, мессир. Думаю, пригодится, - он вытащил из-за пазухи изогнутый металлический стержень на деревянной ножке.

- Что это?

Слуга достал палочку и стукнул по загогулине, в комнате зазвучала, завибрировала высокая нота.

- Это камертон. Редкая штукавина. Дудочек не нашел, да и играть мы на них не умеем.

Александэр покрутил его в руках.

- Может и пригодится. Не меч, конечно. Возвращаемся в лес. Поищем чудище.

Жак спрятал камертон в мешок.

- Вы может, сир, как стали охотником, способны без отдыха и сна обходится, а я нет. Давайте хоть покушаем.

После обеда оруженосец захотел поспать, что бы восстановить силы. Александэр лежал на кровати, слушая мерное сопение слуги, ожидая, когда уже начнется самая интересная часть охоты.

"И почему я позволяю ему такое своеволие?" - думал он, глядя на пятки Жака, торчавшие из-под одеяла. "Потому что он твой друг" - пояснил ему голос. - "Судя по всему, единственный, и до конца твоих дней". Охотник мысленно согласился.

В лесу они оказались ближе к вечеру, солнце уже опускалось в кроны деревьев. Быстрый подъем по скале, потом почти бегом по тропинке, к озеру. Александэр увидел ее сразу - длинный темный силуэт на берегу, и впрямь издалека можно принять за сломанное дерево. Она почувствовала их, обернулась, и тут же, действительно, словно нырнув, ушла под землю. Раздался треск, охотник толкнул Жака и сам отскочил в сторону, упал плашмя. На место, где они только что стояли, рухнуло дерево. Снова треск, небо заслонила быстро приближающаяся масса веток, толстый ствол.

- Туда! - они перекатились в небольшую впадину, до того как их накрыло густой кроной. Жак посмотрел на сломанный сук, воткнувшийся в землю рядом с его плечом.

- Почти попала, сир.

Лес заполнил глухой звук, похожий одновременно на вой какого-то животного и то, как гудит и стонет ветер, в трубах старых домов. Александэр выбрался из ветвей, огляделся. Повсюду вокруг, и над озерной водой, и среди деревьев кружили вихри, на глазах вырастая, закручиваясь и захватывая в себя камни, ветви, все, что попадалось им на пути, даже птиц. Смерчи приближались к ним со всех сторон, не давая возможности убежать, скрыться. Два из них слились, и стали валить деревья. Как подрубленные падали в разные стороны темные стволы, окружая их дополнительным частоколом из непроходимых ветвей. Охотник обнажил меч, взмахнул им.

"Что ты рубить собрался? Смерч или ветви?" - съехидничал голос.

И вдруг, из-за спины высокое, звонкое "Дзыньбь". Жак стоял, вытащив камертон и ударяя по нему палочкой.

"Дзыньбь! Дзыньбь!" - звук волной хлынул в разные стороны, столкнулся с одним вихрем, сломал его пополам, на землю посыпались ветви и листья. Потом со следующим, и еще с

одним. Оруженосец пошел вперед, навстречу ветряным потокам, и они отступили, откатились назад, повисли над озером и опали вниз.

- Звони, звони! - крикнул Александэр и бросился к западине, где мелькнула над землей лохматая голова чудища. Рубанул мечом, успев отсечь несколько прядей волос прежде, чем она снова нырнула под землю.

Он обернулся, ища ее глазами среди камней, по кустам и у стволов. И вдруг увидел как ожившая ветка дерева, тянется сверху к оруженосцу.

"Это её рука!" - крикнул голос.

- Жааак! - заорал охотник. Тот обернулся на его зов, занеся палочку над камертоном, и в этот момент длинные пальцы схватили его голову. Волосы вспыхнули пламенем, чудище, сидевшее на ветке, потянуло Жака вверх, и он на мгновение повис в воздухе, болтая ногами. Тонкая палочка вновь коснулась камертона.

- Дзыньнь! - зазвенел он пронзительно и громко. Она закричала, разжала пальцы, оруженосец упал в траву. Александэр видел как чудовище, словно стекает вдоль ствола, вниз, стремясь к земле. Он размахнулся и бросил в нее меч. Раздался вой, треск, кругом стали падать ветви и листья. Охотник подошел, посмотрел на пришпиленное к дереву тело, протянул Жаку руку и помог подняться.

- Цел?

Оруженосец провел рукой по обожженной голове, с опасением глядя на лесное чудище. Теперь ее было видно целиком, длинная, худая женщина с темной кожей покрытой многочисленными выростами - веточками, она пыталась вытянуть из себя меч, сжимая его тонкими пальцами. Вместо ног то ли корни, то ли щупальца как у осьминога, разросшиеся, ветвистые, они пытались дотянуться, дорасти до земли, соединится с ней. Всклоченные волосы тоже были живые, извивались вокруг ее лица, цеплялись за кору, словно хотели спрятать ее от их взглядов. А лицо неожиданно красивое, правильные черты, пухлые губы и только глаза, большие, темные, не человеческие.

Она схватила меч за рукоять, потянула, он даже не шелохнулся.

- Заколдованный, - вдруг сказала она тихим певучим голосом. - Меч у тебя заколдованный, да? Обычный меня бы не ранил.

Александэр кивнул.

- Да, меч не простой, ты не сможешь его вынуть.

Она опустила руки вдоль тела и уставилась на него.

- Кто ты?

- Я охотник, а ты?

Чудовище задумалось.

- Не знаю, не помню, - она помолчала. - Мне кажется, когда-то меня звали Мелиса.

Жак сделал шаг вперед.

- Мелиса, это человеческое имя.

Она нахмурилась.

- Да, когда-то я была человеком! - она всплеснула руками, закрыла лицо. - Я вспомнила! Как же давно я этого не вспоминала.

Чудище стонало.

- Как тяжело! Как больно! Господи, за что это мне!?

"Наверное, это она сделала те могилы в лесу" - предположил голос.

- Кладбище, там, на горе, это твоя работа?

Она заплакала, заревела, всхлипывая во весь голос.

- Я! Я! Пришла в себя, а кругом трупы, так жалко их было! Я всех похоронила, кого нашла. Кресты поставила, помолилась.

- Молилась? - оруженосец подошел еще ближе, держа наготове камертон. - Ничего не понимаю, расскажи, кто ты такая и как здесь очутилась.

Слезы катились у нее по щекам.

- Я Мелиса, Мелиса! Дочка городского главы. Бывшего, - прибавила она. - Он умер. Мачехе я не нравилась, это обычная история.

- Но как ты оказалась в лесу?

Чудище мотнуло головой.

- Постепенно. Как отец умер, сначала оказалась в крохотной комнате, вместо своей спальни, потом вместе со слугами жить стала. Потом на улице, - она замолчала вспоминая. - На улице тяжело жить, каждый обидеть хочет.

- Так что же тебе никто не помог? - удивился Жак.

- Не знаю, - взгляд ее ушел внутрь. - Я тоже смотрела и думала, почему мне никто не поможет, но казалось, они даже рады были, видеть как я мучаюсь. Я все бога молила о помощи, но он мне не ответил. А потом, потом я так испугалась и так разозлилась! Почти ничего не помню об этом, что-то кричала, на площади, в соборе. Проклинала их всех и бога этого безответного. Они меня убить хотели и я в лес убежала.

- А дальше? - Александэр подошел к ней вплотную. - Как ты превратилась в это?

Мелиса замерла, подняла на него темные глаза, руки снова обняли меч, потянули.

- Не помню, охотник, совсем не помню. Скиталась в чаще, голодала, как звери не задрали только, утопиться хотела. Прыгнула в озеро, захлебнулась, на дно пошла. Лежала там, а смерть так и не пришла. А потом встретила кого-то, или что-то. Оно пришло ко мне, вошло в меня, и я изменилась.

Охотник кивнул.

- Понятно.

- Конечно, тебе понятно, - прошептало чудище, - Ты ведь и сам кого-то встретил.

- Да, - согласился Александэр. - А жертвы тебе зачем? Мы видели свежие могилы.

- Одиноко мне, охотник, так одиноко! Хочется прикоснуться к живому, человеческому! А оно вспыхивает и сгорает сразу. А удержаться совершенно не возможно, каждый раз! - она выбросила вперед корень, пытаясь обвить его ногу, притянуть к себе.

Александэр отпрыгнул, толкнул руку Жака, державшую металлическую палочку.

- Дзыньзь! - запел камертон. Чудище закричало, съежилось, её выросты-веточки, длинные руки и корни стали яростно извиваться. Охотник выхватил меч и, развернув его в воздухе, полоснул. Мгновение темные глаза еще смотрели на них, а потом голова наклонилась и полетела вниз, покатила по земле и, остановившись, тут же превратилась в кучу старой трухи, листьев и мха. Тело Мелисы осыпалось ветками, корой и лесной землей.

Оруженосец подошел и вздохнул.

- Зачем вы убили ее, сир?

- Это было чудовище, лесное чудовище. А я охотник и убиваю чудовищ.

- Чудовища, это те, кто сделал это с ней. Там, в городе.

Александэр покачал головой и вложил меч в ножны.

- Нет, Жак, мы делаем это с собой сами, и она, и я, и ты. Выбираем, какие мы, и как именно жить. Мелиса выбрала стать чудищем, я - охотником, а ты моим помощником. Все просто.

Оруженосец несогласно покачал головой, но промолчал.

- Давай выбираться из леса, скоро станет совсем темно.

К городу они подошли поздним вечером, на темном небе мерцало множество звезд и светила полная луна. Их ждали горожане, вооруженные клинками, ножами и даже вилами. Они

стояли на дороге многочисленной толпой, пылали факелы. В первом ряду охотник заметил капеллана.

- Убирайтесь! - крикнул тот, толпа загудела. - Прочь из нашего города! И не возвращайтесь никогда, а не то пожалеете.

Александр сделал несколько шагов вперед, не обращая внимания на направленное на него оружие.

- Вы, правда, думаете, что убить охотника так легко? - он чувствовал как наползает на него азарт сражения, обнажил меч. - Попробуете?

"Охотника они может, и не убьют" - вдруг отчетливо высказался голос, - "А вот Жак погибнет наверняка!" Александр обернулся, бросил взгляд на растерянного оруженосца, все еще с камертоном в руке. Толпа замерла, ожидая его атаки. Он посмотрел на их лица - лавочники и торговцы, они боялись, но их действительно было слишком много. Охотник убрал меч в ножны, еще раз пробежал по ним взглядом.

- Добрее надо быть. В жизни. К людям, друг к другу, - повернулся к ним спиной и пошел прочь. Жак поспешил за ним.

- Мы уходим? Не будем драться? - волновался он.

- Не будем.

- Хорошо! - оруженосец поправил мешок на спине. - Вот только лошадей жалко.

Санька досчитал до шестидесяти, когда почувствовал, что ступенек больше нет, а под его ногами каменная дорожка. Он пошел вперед, рассеянные лучи, появившиеся где-то сверху, освещали толи пещеру, толи каменный проход.

"Что-то знакомое" - подумал мальчик. Он ускорил шаг, света становилось все больше, впереди появился яркий выход наружу. Он побежал, камушки выскакивали из-под ног, влетел в свет, поморгал, прикрыл ладонью глаза и увидел берег моря. Галечный пляж, с большими круглыми валунами, торчащими из воды, и лежащими на берегу. На длинном коричневом камне сидел Маска, глядя на набегающие волны. Санька подошел ближе, заметил, что плащ его загадочного собеседника уже не такой блестящий, с совсем истрепанным подолом, порвался по швам. А маска покрылась трещинами, краска местами облупилась и облезла.

- Что с тобой? - спросил мальчик, садясь рядом.

- Мои силы заканчиваются, и, это наша последняя беседа. Ты можешь спросить у меня все, что хотел бы узнать, пока я еще здесь и могу отвечать.

Санька задумался, вопросов было много, но он не понимал с какого начинать, что важнее. Огляделся, увидел вдали пляж, бетонный пирс с фонарями и скамейками, деревянные кабинки для переодевания.

- Я вспомнил это место! Мы с родителями ездили сюда несколько лет назад! Летом, на каникулах!

- Конечно, ты знаешь это место, и все предыдущие - класс и кинотеатр, ведь это ты представляешь меня, себя и наш диалог. Я-то, на самом деле, даже говорить не умею. Я просто кусок кожи одной волшебной змеи. Покрывало нага. Все слова, все картинки - твои.

- Ничего не понял! Как это, мои? Хочешь сказать, я всё это придумал, это не реально?

Маска пожал плечами.

- Что такое реальность, непростой вопрос. Может быть это просто то, во что ты веришь?

Мальчик замолчал, перебирая в голове потоки мыслей.

- Я думаю, верить можно в самое разное, но оно не становится от чьей-то веры - реальным. В детстве я верил в Бабу-ягу и в Деда Мороза, даже письмо ему написал. Но теперь я знаю, что их нет. Их не увидишь, не потрогаешь. С другой стороны, как-то я ударился головой об турник, и такие искры вокруг летали. Я их точно видел, много, но при этом знал, что их нет. Все-таки лучше знать, чем верить, - заключил он.

Маска наклонил голову, слушая его, переспросил.

- Значит, реальным для тебя становится объект знания? Но ведь все знают по-разному? Например, учительница истории знает Средневековье одним образом, а ты совершенно другим, судя по всему, что ты видишь про Александэра.

Санька снова задумался.

- Мы в школе проходили среднее арифметическое значение. Наверно, если сложить знание всех, то что-то общее это и есть реальность.

- А это не получится, вера в среднее арифметическое?

- Возможно, - Санька понял, что он запутался. - Так что же тогда реальность?

- Может это просто личный выбор?

- Чей?

- Например, твой. Ты выбрал видеть такую историю, про рыцаря и охотника.

- Подожди! Ты хочешь сказать, что я его придумал?

Маска бросил в воду камушек, посмотрел, как он упал на дно.

- Ты его придумал, или он тебя. Моё знание говорит о том, что это непрерывный взаимный процесс.

- Как это? - не понял мальчик.

- Ты и он как два зеркала, в каждом из которых отражена определенная история. Но когда вы оказались друг напротив друга, то стали отражать еще и друг друга, менять и меняться.

Санька потер лоб.

- Я не очень понимаю, можно на конкретных примерах?

- Попробую, - Маска пристально на него глядел, снова будто сканируя. - Можно сказать так, что все волшебное и необычное, что произошло с рыцарем, это ты. Ты еще мальчик и веришь в сказки, - он увидел несогласие на его лице и поправился, - Допускаешь, что такое может быть, или просто их помнишь. Этого достаточно, что бы в зеркале напротив тебя они стали реальностью.

- А он? - Санька мысленно перебрал события своей жизни, обычной жизни мальчишки, живущего в небольшом городе. - Что же он во мне изменил или добавил?

Маска бросил еще один камень в воду.

- Твое зеркало отражает самое страшное, что случилось с ним, то из-за чего он тебя призвал. Потерянное дитя.

- Машутка?

- Да.

- Это он ее потерял?

Маска кивнул.

- Не именно её, но это событие отразилось в тебе таким образом.

Мальчик слез с камня, подошел к волнам, опустил руки в воду, смотря, как вокруг них кружится и танцует белая пена.

- Ты говоришь, он меня позвал, а я получается, услышал. Почему?

- Это моя работа. То волшебство, та возможность, которую я смог для вас создать. Но это очень тяжело, держать зеркало жизни, а два одновременно, еще тяжелее. Как я уже сказал, мои силы на исходе, и вскоре я превращусь в прах, невесомые лоскутки, которые разлетятся под этим ветром. Дальше вы сами.

Санька выпрямился, посмотрел на горизонт, где небо сливалось с морем, а потом на Маску.

- Вроде я понял все, кроме одного. Как так получается, что все это происходит будто одновременно, и моя жизнь, и его и эти изменения?

Маска подошел к нему, в порыве ветра плащ распахивался, солнце освещало пустоту внутри и даже под самой маской, проникая двумя лучами сквозь прорези глазниц и падая зайчиками на ткань капюшона.

- Возможно потому, что все происходящее в ваших зеркалах само по себе является чьим-то отражением.

- Чьим?

- Я не знаю, я всего лишь старая змеиная кожа. Но, судя по всему, этот кто-то явно не соблюдает никакой последовательности, не нуждается, ни в вере, ни в знаниях, и, вероятно, даже в реальности.

Сильный порыв ветра с моря разорвал плащ на части и унес его в сторону города. Маска продолжала парить в воздухе.

- Хорошо. Куда мне дальше идти? - спросил мальчик.

- В любую сторону, - ответил Маска, - направление не имеет значения.

Бумажное лицо треснуло, упало вниз и рассыпалось, ударившись о камни. Санька посмотрел на берег и пошел в сторону пирса.

- Это только твой выбор, - сказал ему на ухо порыв ветра.

Путники двигались вдоль берега озера. Ночью становилось так холодно, что вода у кромки покрывалась тонкой корочкой льда. Пошел снег, подсвеченные светом луны снежинки парили в воздухе как маленькие искорки.

- Может, поставим палатку, костер разведем, - предложил Жак. - А еще лучше, вот там, с другой стороны озера видно огни, город. Давайте переночуем под крышей, в тепле?

Александр обернулся к нему. После давнишнего ожога, волосы на голове слуги росли тремя вихрами в разные стороны. Сейчас на них лежал снег, прижимая пряди к голове.

- Хорошая идея. Сходи, поешь, переночуй, разузнай что там и как.

- А вы, сир?

- Я здесь подожду, - охотник показал на изгиб береговой линии. Над замерзающим заливом склонилось дерево, опустив ветви в воду. - Вот это место, запомнил?

Жак кивнул.

- Давайте огонь разведу. Принесу из города для вас еды.

- Не надо, я сам. И еды не надо, ты же знаешь. Иди, увидимся днем.

Слуга посмотрел ему в лицо, вздохнул и пошел дальше. Александр проводил его взглядом, пока тот не скрылся среди деревьев. Присел на ствол, глянул на луну, отряхнул от снега плащ. Пока Жака нет, можно просто уйти в свое внутреннее безмолвие. Он смотрел, как падают снежинки. Ложатся на белую кожу, на длинные, вытянувшиеся за последние годы кисти рук, и не таят. Одна, большая и красивая плавно опустилась на самый кончик указательного пальца. Он поднес ее к глазам, посмотрел на разбегающиеся лучи. Лежит, сверкает. Подул, ожидая, что вот сейчас, от его дыхания, она растечется в маленькую каплю. Она вспорхнула и полетела дальше, в сторону и вниз. Он набрал больше воздуха и сильно выдохнул, снежинки разлетелись кто куда. Ни облачка пара, ни малейшей дымки.

Охотник подошел к воде, встал на колени, протянул руку, что бы зачерпнуть ее и понял, что давно уже не пьет и даже не хочет. В озере отражалось ночное небо с множеством звезд, яркая луна и его лицо в обрамлении капюшона. Совершенно белое, словно покрытое мелом, даже губы белые. Глаза словно ушли внутрь, вглубь головы, стали совсем черные и были окружены темными синяками.

- Я выгляжу как больной, какой-то страшной болезнью. С таким лицом лучше не заходить в город, даже ночью.

"Интересно, а сердце еще бьется?" - спросил внутренний голос. Охотник прислушался. Тишина, ни какого шевеления внутри. "Шестьдесят девять, семьдесят, семьдесят один" - и вдруг удар, медленный, очень тихий.

- Бьется! - сказал Александр своему отражению. - Пока еще бьется.

Он разглядывал свое лицо, не узнавая себя, того рыцаря, который когда-то пошел в крестовый поход. Но при этом он не мог вспомнить, как он выглядел тогда, перед ним всплывало только белое лицо обтянутое кожей с темными впадинами глазниц.

- Как только Жак меня узнает?

Отражение в воде пошло рябью, словно от порыва ветра, потом замерло, шевельнуло губами и заговорило.

- Для тебя есть новая цель, особенная!

Александр за все эти годы первый раз увидел Охоту снова, лицом к лицу.

"Да вас совсем уже не отличить друг от друга" - заметил голос.

- Слушаю, - кивнул охотник.

- За тем лесом начнутся холмы, на север от дороги, ведущей в горы. Под ними много пещер, тайных ходов, и там живет чудовище, - по лицу Охоты прошла судорога. - Старый враг.

- Я должен его уничтожить?

Она вдруг улыбнулась.

- Это не просто. До сих пор ни у кого не получалось. И это не обязательно. Главное, мне нужно кое-что, чем он владеет. Его сокровище. Найди и отдай его мне.

- Что это?

Охота задумалась.

- Я не знаю, как оно может выглядеть, но ты сразу поймешь, что это, то самое. Забери его и сделай моим.

Александр кивнул, поднялся. Новая охота, это хорошо, правильно. Ему не терпелось двинуться вперед, навстречу цели. Но надо дождаться Жака. Он посмотрел на огни города вдалеке.

- Жак. Если вдруг я исчезну, он наконец-то сможет вернуться домой и зажить нормальной жизнью.

"Он уже не сможет жить без тебя" - заметил голос.

- Сможет, сможет! - охотник развернулся и пошел на север.

Снег только припорошил землю, идти по лесу было легко. Белый покров подчеркнул все неровности рельефа, множество ручьев и западин. Александр шагал вперед, перепрыгивая мелкие речки, обходя овраги. Его чутье вело в нужном направлении. К утру, он прошел лес насквозь, деревья расступились и показались холмы, поросшие травой и мелким кустарником, торчащими из-под снега как недельная щетина. Охотник огляделся. "Какой странный пейзаж" - удивился голос в голове. Александр согласился - от края леса и до самых предгорий обширная равнина была покрыта почти одинакового размера холмами, как будто их кто-то тщательно делал и выстраивал друг за другом в ровные ряды.

"Великан играл в куличики" - сказал голос.

- Куличики? - не понял охотник.

"Это такая детская игра, насыпаешь в ведро песок, а потом переворачиваешь".

- Я говорю сам с собой, - он дотронулся до висков пальцами, словно пытаюсь, прикоснуться к источнику голоса.

"Не с собой. Но это не важно" - внезапно голос звонко рассмеялся.- "А вот и он! Как хорошо!"

Охотник обернулся и увидел невысокую плотную фигуру, в коричневом плаще спешащую по дороге.

- Мессир! Мессир! Подождите меня! - Жак догнал его, весь запыхавшийся, остановился, чуть согнулся и попытался восстановить дыхание. - Как же это вы ушли без меня?

- А как ты нашел меня? Вот что интересно. Следы должно было замести за ночь.

- Сир, в городе только и разговоров, что о драконе, засевшем в этих холмах. Куда бы еще вы могли направиться?

Александэр посмотрел вперед.

- Дракон? Ты говоришь там дракон? Разве такое бывает?

Жак пожал плечами.

- Мы уже столько всего видели, что как раз дракон меня не удивляет. Недаром они нарисованы почти на каждом гербе в этих краях.

- И что рассказывают в городе?

Слуга закатил глаза.

- Врут в основном. Но если попытаться выбрать из всех историй что-то общее, то выходит так. Люди здесь, в этой горной долине поселились не так давно. А драконы тут жили изначально, много вроде, в том озере, у которого мы расстались. Здесь, в земле, нашли камни разные, драгоценные, вот и повадились искатели, поселок возник. Сначала они друг другу не мешали, люди тут, в холмах шахты рыли, а драконы в озере жили. А потом людей стало больше, возник город у озера конечно, вода же, дорогу проложили. И драконы ушли. Не понравилось им такое соседство.

- Как это ушли?

- Говорят дальше, выше в горы, куда человек не может добраться, - Жак махнул рукой в сторону снежных вершин.

- Так.

- А вот один не ушел как все, а забрался в шахты. Почему - никто не знает. Есть мнение, что сокровища у него там несметные. Но людям теперь сюда хода нет. Всех старателей он разогнал и никого не подпускает близко. В городе думают, как убить чудище. Несколько смельчаков, да заезжих рыцарей пытались, но не вернулся никто.

- Сокровище, - эхом повторил охотник.

- Ну, вроде как что-то, что с собой на вершины забрать невозможно.

- Понятно. И, наверное, ты разузнал, где точно живет дракон.

- Конечно, сир. Обойти пять холмов налево, а потом еще три вперед. Там вход в рудники, тут и дорога накатана, раньше по ней ездили постоянно. Не ошибемся.

Александэр действительно сразу заметил вьющуюся через холмы змейку дороги, запорошенную сверху снегом.

- Ну что же, пойдём, посмотрим, как выглядят драконы.

Они двинулись по дороге вниз, вдоль подножий засыпанных снегом возвышенностей. То тут, то там в них зияли черные дыры пещер и ходов соединенные тропками старателей. Дорога повернула, они прошли еще немного вперед и оказались на большой поляне, расчищенной от деревьев и кустарника. Пещера в основании холма была самой большой из встреченных, можно заехать на повозке. Внутри чернота и пустота.

- Жак, я пойду туда, а ты жди меня здесь, не суйся.

- А если вам понадобится моя помощь?

- Все равно не лезь.

Оруженосец нахмурился.

- Я тоже хочу увидеть живого дракона.

Охотник вздохнул.

- Лучше бы ты, не найдя меня у озера, вернулся домой, как всегда хотел, и зажил той самой обычной жизнью, о которой мне постоянно рассказываешь.

- Я привык к чудесам, - внезапно признался слуга. - Мне нравятся эти странствия, нравится видеть мир совсем не с той стороны, с которой его знает большинство людей. Я не могу без этого.

- Стой здесь, - Александэр показал ему на западину между деревьями. - И жди меня.

Он прошел по краю поляны, заглянул в пещеру, прислушался. Тишина. Его глаза различали в темноте высокие своды, туннель, уходящий вглубь холма, глубоко под землю. Охотник зашел внутрь, сделал несколько шагов, заметил тень, мелькнувшую где-то там, вдали, замер, обнажив меч. И вдруг вспышка света, он на мгновение зажмурился, грохот, топот.

Александэр смотрел, как из глубины пещеры стремительно приближается к нему что-то большое, блестящее, живое. Он взмахнул мечом и рубанул по светящейся шкуре. Заметил, что она плотно покрыта то ли золотыми волосками, то ли перьями, меч скользнул по ней, не причинив никакого вреда. Дракон вылетел из пещеры, огромное животное, с толстыми лапами, большой головой на мощной шее и извивающимся хвостом. Совсем не похожий на

гербовые рисунки, скорее птице-зверь, с огромными крыльями, словно отлитый из живого, еще не остывшего золота. Он взмыл вверх, над холмом, в воздухе перевернулся и понесся вниз, на единственного противника, стоящего на краю поляны среди деревьев, без оружия, и рассматривающего его с изумлением.

- Жаааак! - закричал охотник, выбежал наружу и побежал к слуге. Он увидел, как дракон свалился на оруженосца, удар, взмах хвостом, и вот Жак взмывает вверх, летит над деревьями, через поляну, и темным пятном падает вниз. Дракон обернулся, Александэр смотрел в горящие глаза. Он занес меч, готовый к бою, но чудовище развернулось и прошло мимо него, так и не обнаружив. Охотник побежал к кустам, на противоположном краю поляны, куда упал Жак. И обернувшись, заметил, как в последний момент, перед тем как скрыться в темноте, дракон словно бы уменьшился, сложился в невысокую человеческую фигуру и зашел в пещеру.

- Жак! - он подбежал к телу слуги, лежащему посреди кустов, почему-то со вскинутыми руками и выгнутой вперед грудью. Александэр потянул его за плечи.

- Жак! - по снегу поползло темное пятно, и он нащупал под спиной оруженосца камень. Потянул его снова и почувствовал, как глубоко острый осколок вошел в спину. Слуга вздохнул, заморгал глазами.

- Сир? Это вы?

Охотник сжал кулак, ногти впились в ладонь, он жал все сильнее, в ранках показались и набухли капли, в первых лучах рассвета проявился их яркий, голубой цвет. Он вытянул ладонь над лицом Жака, ожидая пока капли скатятся вниз.

- Я Охота. И я нанимаю тебя.

Слуга широко открыл глаза, увидел его ладонь, полную голубой, срывающейся вниз капели, взмахнул руками. Капли упали в снег, впитались в него и исчезли.

- Нет, нет! Не надо! Я так не хочу! Вы не Охота!

Александэр сел рядом.

- Почему, Жак?

- Пока я это я, вы это вы. Сир Александэр, с кем я вместе рос и играл, который воровал для меня, сироты, еду со стола своего отца. А помните, я разбил какую-то чашу? - слуга закашлялся, - Как она вообще могла разбиться, каменная? И вы взяли вино на себя.

Охотник пожал плечами.

- Меня просто наказали, а тебя бы убили, это был подарок короля, - он покачал головой, - Жак, лучше бы ты остался дома, а не пошел со мной в поход.

- Я не хочу быть никем другим. Я был с вами, потому что так хотел. И это оказалось самым интересным приключением. Только теперь оно закончилось, - он замолчал.

Александэр положил руку ему на лоб.

- Все приключения заканчиваются.

Жак закрыл глаза, вдохнул, выдохнул, еще раз вдохнул. Охотник вдруг увидел где-то в глубине своей головы, словно ожившую картину. Мальчик сидит за столом и пишет письмо. Губы его шевелятся, и он услышал голос: "... если ты есть, то пусть никто не умирает. Пусть все будут живы. Навсегда". Вдох. Выдох. Тишина. Александэр наблюдал, как розовеет небо, облака наливаются багрянцем, а из-за холмов появляется яркий диск встающего солнца. Он поднялся, сжал меч и зашел в пещеру. Быстро прошел вперед, туда, где начинались ветвиться туннели, прислушался. Вот шаги там, дальше. Побежал, догнал неторопливо шедшего мужчину, взмахнул мечом, но передумал и вместо удара ткнул лезвием ему в спину. Тот вздрогнул, обернулся.

- Где ты?! Кто? – он смотрел на охотника в упор и не видел его.

- Кто ты такой? – спросил Александэр, разглядывая немолодого, плотного человека. Его лицо покрывали глубокие морщины, особенно вокруг глаз, ярких и живых, какие бывают у маленьких детей.

- Я Страж, а ты что за чудище? Почему я тебя не вижу? – мужчина втянул носом воздух, - Не чую? И услышал, только когда ты заговорил?

- Охотник.

- Ах, вот оно как, - страж провел рукой по лицу, словно смахнув паутину, посмотрел на Александэра, задержавшись взглядом на его лице и руках. – Даже для этой братии ты слишком странный. Как она смогла так изменить тебя?

- Кто?

- Охота, - он снова смотрел на его руки, державшие меч, на длинные белые пальцы с голубыми ногтями.

- Не важно. Ты убил моего друга.

Страж чуть наклонил голову набок, разглядывая его лицо.

- Я поставлен тут, охранять кое-что очень ценное. Сокровище. Вы же пришли убить меня и забрать это. Так? Я просто успел первый.

- Я убью тебя, - сообщил ему Александэр.

Мужчина покачал головой.

- Меня невозможно убить. Ты просто разрушишь эту оболочку, и все.

- Этого достаточно! – охотник толкнул меч вперед, удивившись, как легко он вошел в тело, будто оно было просто миражом. Страж посмотрел на лезвие, торчащее из своей груди, бросил взгляд куда-то вглубь пещер.

- Как неудачно, осталось совсем чуть-чуть, - задумчиво пробормотал он.

Его тело стало вдруг полупрозрачным, словно состоящим из многих песчинок висящих в воздухе, а потом свет, освещавший их изнутри, ушел и они осыпались вниз. Александэр продолжал стоять, держа в руках меч. Затем опустил его, оглянулся, в глубине одного из туннелей заметил яркое пятно. Он пошел на него, чувствуя приближение света и тепла, и ощущая в воздухе легкую вибрацию. Туннель повернул, и охотник оказался в большой пещере. Яркий куб, вырубленный внутри холмов, освещался лучами солнца, проникающими внутрь сквозь отверстия сверху и сбоку. "Совсем нездешнее, зимнее солнце" - он почувствовал жар исходящих от этих лучей. Все они сходились в одной точке, ласкали и согревали то самое сокровище, за которым он сюда пришел – большое золотое яйцо. Оно стояло посередине пещеры, светясь и искрясь, впитывая свет и тепло. Александэр подошел ближе, дотронулся до поверхности, и почувствовал вибрацию. Под его пальцами она стала усиливаться, яйцо задрожало, он прижал к нему руку, словно пытаясь успокоить, но из-под его ладони побежали в разные стороны трещины. Они быстро расширились, на пол стали падать куски скорлупы, которая оказалась легкой и почти невесомой, словно лепестки цветка. Он наклонился и увидел в россыпи золотых всполохов младенца. Мгновение ребенок, крошечная девочка, тоже была золотого цвета, а потом порозовела, и ничем уже не отличалась от всех остальных младенцев на свете. Александэр дотронулся до нее, она распахнула глаза, и он увидел золотые искорки, рассыпанные по краю радужки, а потом она повернулась на бок и снова уснула.

- Ты нашел Сокровище. Теперь, сделай ее моей.

Он обернулся, у входа в пещеру, не входя в теплые лучи, стояла Охота. Александэр почувствовал, как его ладонь наполнилась густой голубой жидкостью. Он посмотрел на яркую каплю, на девочку, на Охоту.

- Зачем?

- Я сделала тебя самым сильным из моих охотников, что бы ты смог добыть мне её. Но она, она будет лучшей, на все времена.

Он кивнул, помедлил, потом вытер руку о штаны.

- Я рыцарь, а не твой охотник, - он снял плащ, завернул в него ребенка и пошел вперед. Прошел сквозь Охоту, она распалась, словно дым, потом снова возникла у стены туннеля.

- Ты столько лет охотился для меня, сделай и сейчас то, что нужно мне.

Александэр пожал плечами.

- Охота, это просто эпизод, в долгом пути домой.

Она появилась в последний раз на границе между темнотой пещеры и розовым утренним снегом.

- Я лишаю тебя всей силы!

Он, молча, прошел мимо, задержался на минуту у тела Жака, глядя на его закрытые глаза, на уже присыпанное снегом лицо, и двинулся в сторону города. Надо рассказать людям, где найти героя, избавившего их от страшного дракона ценой своей жизни.

"А потом?" – спросил голос.

Александэр посмотрел на заснеженные вершины вдали.

- Надо вернуть это сокровище тем, кто его охраняет, - он прижал кулек к груди и быстро зашагал по дороге. Он прошел город насквозь, лишь на несколько минут остановившись, поговорить жителями. Новости были столь удивительны и радостны для них, что никто не обратил внимания на его странный вид и небольшой сверток. Они разом заговорили, закричали, зовя кого-то, а Александэр пошел дальше, по пути, прочерченному сквозь прозрачный зимний лес в сторону гор. В полдень, он почувствовал, как греет солнце его шею и затылок, и как замерзли его пальцы, сжимающие ткань плаща. Он остановился, развернул ткань и пару мгновений смотрел на ее спокойное лицо, розовые щеки, во сне она шевелила губами, будто что-то кому-то рассказывала. Рыцарь снова закутал девочку, прижал к груди. Посмотрел вперед, на сияющие золотом вершины, потом назад, на город, оставшийся в долине.

- Как же холодно. И есть хочется. Надо было взять в городе еды и теплый плащ. И наш мешок с припасами и огнивом.

"Придется идти быстрее, смотри" – сказал голос в голове. Александэр обернулся и увидел, что следы, оставленные им на неглубоком снеге, заполнены голубым, словно краской.

- Что это?

"Это твоя сила покидает тебя, как она и обещала. Иди вперед!" – посоветовал голос. И он пошел, вдыхая морозный воздух и выдыхая облачко пара, чувствуя, как проснулось его сердце. Удар, еще один, какое-то время оно билось мерно, в такт шагам. А потом, когда дорога пошла дальше, вдоль подножия гор, а рыцарь стал подниматься по тропе, ведущей наверх, сердце застучало быстрее, понеслось вперед. Он присел на поваленное дерево, развернул кулек.

- Спит. Какая спокойная.

"Да. Для девчонки она молодец" – согласился с ним голос. - «Скоро закат, ночью станет слишком холодно для обычного человека, иди".

Александр кивнул и стал подниматься дальше. Через час тропинка истончилась и исчезла, выше в горы люди уже не поднимались. Он посмотрел на каменные стены, взметнувшиеся вверх, над одной вроде бы начиналось плато с пологим хребтом в сторону ближайшей вершины. Перемотал плащ, связав концы узлом, повесил ношу наискосок через плечи. Освободив руки, он потерял их, они стали красные от мороза, а в кончики пальцев словно впивались сотни игл. Рыцарь схватился за ближайший уступ, поднялся выше, затем за следующий, поставил ногу на выступ, еще выше.

"Главное не смотреть вниз" – заметил голос. - "Семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один..." – считал он каждый шаг Александра вверх, по этой вертикали.

"Девяносто два..." – рыцарь перевалился через край, прополз вперед на животе и сел. Солнце уже давно зашло, и темное небо над ними было усыпано яркими звездами. Он не чувствовал больше своих рук, совсем, но зато боль возникшая во всем остальном теле лишала и сил и надежды дойти до вершины.

- Что это со мной? Почему так больно?

"Смотри на след". Александр увидел темные полосы на снегу, там, где он только что полз. Набрал его в ладонь, поднес к глазам.

- Что это? Последние капли Охоты?

"Их ты оставил еще в долине. Это твоя кровь. Все твои раны, заживавшие эти годы так волшебны," - голос дрогнул. - "Ты скоро умрешь, и тогда все это лишится смысла. Как она?"

Рыцарь положил сверток на колени, заглянул внутрь.

- Спит.

Он потерял плечо.

- Как же болит!

Дотронулся рукой до груди и ощутил под пальцами влажную ткань.

"Это те две стрелы. Ты вернулся к самому началу. К той точке, где ты должен был умереть" - голос говорил быстро, волнуясь. - "Что же делать? Если ты погибнешь, то она тоже скоро замерзнет на этом морозе. И тогда уже будет ничего не изменить, никогда!" Александру показалось, что обладатель голоса, мальчишка, плачет. Теперь он видел его ясно, будто тот стоял напротив.

- Что же делать? – эхом повторил он его вопрос. Он снял с себя расшитую кожаными полосками куртку, обернул ее поверх плаща и в одной рубашке лег на снег, прижимая к себе закутанную девочку.

"Зови их!" – вдруг крикнул голос. - "Ты теперь снова человек, а они драконы, или стражи, не важно! Они могут услышать тебя. Зови!"

Рыцарь вдохнул, набрав побольше воздуха, ледяного, обжигающего горло и легкие, и силой выдохнул:

- Помогите!!!

Услышал в тишине как бьется его сердце, стук, стук, стук. Он снова вдохнул, и опять выдохнул:

- Помогите!

Стук, стук. Александэр чувствовал как вокруг него, и в нем самом, не осталось ничего кроме холода. Вдох.

- Помогите.

Сердце молчало, потом, последний раз – стук. И все замерло. Его взгляд, с надеждой смотревший на недостижимые вершины, переместился на темное небо и звезды. Он видел как от созвездия, название которого он давно забыл, оторвались и полетели вниз две звезды. Они приближались, становясь все больше и ярче, пока не оказались прямо над ним и не скрылись в густом тумане, заполнившем его глаза. И ему показалось, что он услышал взмахи, удары больших крыльев, прежде чем туман превратился в черноту.

Александэр стоял в неподвижной тьме и почему-то считал:

- Девяносто пять, - шаг вниз.

- Девяносто шесть, - еще один шаг вниз.

- Девяносто семь, - шаг вниз вдруг оказался шагом вперед.

Лестница закончилась.

- Девяносто восемь, - Санька выставил вперед руки, пытаясь нащупать стены.

- Девяносто девять, - он присел, провел рукой по каменной плите, вот последняя ступенька, дальше земля, его пальцы сжали то ли траву, то ли мох.

- Сто.

Под ногами зашуршала сухая трава. Мальчик увидел впереди тусклый проблеск, повернул за изгиб стены и зажмурился от яркого света. Спираль башни наконец-то раскрутилась, словно все это время он спускался внутри огромной раковины, которая теперь раскрылась и выпустила его наружу.

Санька поморгал, потер глаза и сделал ещё пару шагов вперёд. Солнце светило в высокую арку, увитую диким виноградом. Выход, и он же вход у основания башни, который не был замечен среди густых зарослей. Под ногами шуршали листья, словно сухой плотный ковёр. Мальчик обернулся, витая лестница, уходящая вверх, занимала все внутреннее пространство башни. Падать было в принципе некуда.

- Машутка! - позвал он. И закричал громче: - Маша!

Клубок виноградных веток у арки зашевелился, зашуршали старые листья. Он заметил красный отблеск.

“Ее сапоги!” - бросился вперёд, раскидал листья и ветки.

- Машаааа!

Она села и потянулась. Захлопала глазами, посмотрела на него.

- Саш, ты чего так кричишь? Я съела все яблоки, что ты мне оставил, стало скучно, я пошла гулять вокруг башни, нашла вход. Почему-то мне казалось, что ты спустишься сверху, я присела тебя ждать и заснула.

Он смотрел на золотые искорки, которыми были усыпаны радужки ее глаз.

“Так было и раньше? Я не замечал?”

- Ты не полезла наверх?

Она удивлённо глянула на него.

- Саш, я же маленькая. Я бы не смогла, как ты забраться. А по лестнице забоялась, там же темно за поворотом. Ничего не видно, - она широко улыбнулась. – Зато, сон мне какой хороший снился! Про огромных сказочных птиц.

Девочка задумалась, кивнула сама себе.

- Да, птицы! Я дружила с ними, а они играли со мной! В разные-разные интересные игры.

Сейчас я уж и не вспомню. И ещё! - она засмеялась. - Я летала на них! Над лесом, так высоко!

Машутка сияла.

- Ну а ты? Что там было, на вершине башни?

Санька помолчал, почесал нос. Ему вдруг вспомнилось, будто он долго сидел на полу, глядя на горизонт, а потом...

- Похоже, наверное... я тоже заснул.

- Тебе снились мои птицы?

Он кивнул.

- Много чего приснилось, и они тоже.

Девочка взяла его за руку и встала.

- Чудесный сон, да?

- Мой вначале был на кошмар похож, - мальчик вздохнул. - А чудес много там было, это правда.

Он сильно сжал ее ладошку.

- Машут, поехали домой, а?

Девочка кивнула. Они вылезли наружу, и пошли вдоль поля, продолжая держаться за руки. Саньке было страшно отпустить Машутку даже на секунду. Ее рука, тонкие пальчики в его ладони были абсолютной, самой верной гарантией, что, то страшное, виденное им наверху башни было не настоящее. Сон, галлюцинация, мираж. Он смотрел под ноги, на дорогу впереди и ни разу не оглянулся назад. Они сели на скамейку на остановке.

- Саш, а когда за нами автобус приедет?

- Скоро, подожди чуть-чуть.

Конечно, он ошибся. Прошёл час, потом ещё один, автобуса не было. Солнце зашло, и начало стремительно темнеть. Девочка сначала носилась вокруг, потом села рядом и насупилась.

- Мама уже домой пришла. Ой, ругаться будет!

Санька тяжело вздохнул.

- Да уж, и не только твоя.

- Саш, холодно и есть хочется.

Он снял куртку и накинул Машутке на плечи.

- Потерпи немножко. Мы можем попробовать остановить машину и попросить нас подвезти.

“Если кто-нибудь тут вообще поедет” - заметил внутренний голос. Мальчик посмотрел вдаль, сквозь накрывшую их темноту. “Поедет, конечно, поедет!”

“Зови!” - посоветовал голос.

Санька наморщился, закрыл глаза и еле слышно, чуть шевеля губами, прошептал:

- Если ты есть... помоги...

- С кем ты там разговариваешь? - услышала его Машутка.

Он пожал плечами.

- Не знаю. Но, иногда, он отвечает.

Девочка вскочила.

- Он прийдёт за нами автобус?

- Не уверен, - мальчик смотрел на первую звезду, зажегшуюся на чёрном небе. И вдруг, на высоте холма загорелись две точки. Они приближались, увеличивались, пока не оказались горящими фарами автомобиля. Свет выхватил из темноты две детские фигуры на остановке, водитель резко затормозил. Через двадцать минут они уже были в городе. Санька увидел, людей, столпившихся у дворницкой. И своих родителей, и тренера, и тётю Машу. Она обернулась и увидела их первой, рот широко распахнулся, палец указал на него:

- Тыыы! - закричала она. Машутка бросилась вперёд, схватила ее за куртку.

- Мама! Мама! Мы гуляли с Сашей. На автобусе катались! Он яблоками меня кормил! Не

ругай его! Я сама с ним поехала.

Большие руки обняли и прижали девочку.

- Ты же пионер! - выпалила она, и затолкала дочку в дом.

- Извините, - промямлил Санька ее широкой спине. Дверь захлопнулась.

- Как ты мог?! - воскликнула мать и, отвернувшись, пошла домой. Отец стоял рядом, молча, потом положил руку ему на плечо и сжал.

- Не буду говорить, что лгать плохо. Ты и сам знаешь. Но придётся неделю обойтись без телевизора, школы, общения с друзьями и прогулок. Что бы освободилось время подумать о содеянном. И пока все утрясется.

Санька кивнул.

- Две! Две недели! - донёсся от подъезда голос матери.

Ужин все-таки дали, а потом указали на дверь его комнаты. Мальчик зашёл, закрыл дверь и сел за стол. Он услышал телефонный звонок и строгий голос отца, объясняющий, что Александр не может сейчас разговаривать.

“Ванька, наверное” - подумал он. И точно, в доме, напротив, в окне, смотревшем прямо на него, заплескал огонёк. Он достал из ящика бинокль. Ванька стоял на балконе и махал ему фонариком. В руке он держал лист, на котором большими буквами было толсто намалёвано: “Что случилось?”

Санька, не отрываясь, смотрел на три вихра на голове друга. Они торчали в разные стороны и периодически падали на лоб.

“Так было и раньше? Я не замечал?” - попытался вспомнить мальчик. Он взял альбомный лист и старательно вывел чёрным карандашом в несколько слоёв: “Домашний арест”. Показал его в окно Ваньке. Посмотрел в бинокль. Друг выразительной пантомимой изобразил телефонный звонок, набрав номер на невидимом диске призрачного телефона. Санька, скорчив мрачную рожу, провёл по шее лезвием невидимого меча и закатил глаза. Снова посмотрел в бинокль. Ванька что-то писал, давясь от смеха. Через минуту в его руках появилось новое послание: “Воздушная почта?” Мальчик мысленно измерил расстояние

между домами. “Не такая уж безумная идея!” - он закивал.

“Только нитку мне спусти” - появилось указание в окне напротив. Друг исчез, и через пару минут его тень скользнула под фонарями, освещавшими двор. Раздался тихий свист. Санька достал из стола катушку толстых ниток, привязал тяжелую гайку, и бросил ее вниз.

Стремительной змейкой нитка сверкнула в воздухе, обожгла его ладонь. Он переложил катушку в другую руку, стравливая теперь постепенно, и глянул на линию пореза. По краю выступили капли, и в свете уличных фонарей ему вдруг почудился яркий голубой отблеск. Дыхание замерло, он сжал кулак и сунул его под настольную лампу. Медленно раскрыл пальцы и посмотрел на округлые пятна.

- Красные! Красные.

И в этот момент почувствовал себя невероятно, абсолютно, бесконечно счастливым.